

РУССКИЙ МЕЦЕНАТ

Апрель 2017

АЛЬМАНАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Выпуск 6/25

With
English
pages

Спасибо,
государь! *стр. 4*

Кресло
с грифонами *стр. 16*

Пусть мир
услышит *стр. 36*

ЧЕТЫРЕ ГОРИЗОНТА

ДОМ НА СВЕРДЛОВСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

ДОМ С БОЛЬШИМИ ГОРИЗОНТАМИ

ДОМ СДАН

RBI

The art of real estate

RBI.RU

РЕКЛАМА

320-76-76

Справедливая власть
Сильный бизнес
Благополучные граждане

РУССКИЙ МЕЦЕНАТ

Аркадий Соснов — главный редактор
Игорь Домрачев — арт-директор
Тимур Тургунов — фотограф
Алла Бернадуччи — спецпроекты
Елена Морозова — корректор
Антонина Елисеева, Ирина Хикс — переводчики

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 5, к. 213. Тел./факс (812) 328 2012
Тел. +7 (921) 909 5151, эл. почта: sosnov@pressa.rus.net
Сайт: www.rusmecenat.ru

Председатель Попечительского совета М. Б. Пиотровский

Учредитель: Аркадий Соснов, e-mail: sosnov2003@yandex.ru

Издатель: Санкт-Петербургская общественная организация
«Журналистский центр международного сотрудничества»
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
Тел./факс (812) 323 3063, эл. почта: interjour@spbrc.nw.ru

**Доставляется руководителям органов власти,
компаний, учреждений культуры, НКО**

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС2-8864
от 01.11.2007. Номер подписан в печать 05.04.2017. Отпечатан в типографии
«Премимум Пресс». 197374, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4
Тираж 2000 экз. © «Русский Меценат», 2010

Использование материалов только с письменного разрешения редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. Редакция не несет
ответственности за содержание рекламных материалов. Все рекламируемые
товары и услуги имеют необходимые сертификаты. Все права защищены.

На обложках:

«Люблю тебя, Петра творенье».
Вид на Петропавловскую крепость —
Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Фото: Александр Петросян.

Здравствуйтесь!

Запоют ли мосты?

Фестиваль света можно проводить в любой точке света. Придумать истинно *петербургский* праздник не просто. Символы города на виду (белые ночи, Нева, Адмиралтейская игла...), и, кажется, все сюжеты разыграны. Создателям праздника «Поющие мосты» удалось найти новый. Разводить петербургские мосты буквально по нотам, положить на музыку этот романтический ритуал — в прошлом году идея была реализована впервые.

В июле — сентябре крылья Дворцового моста поднимались под звуки русской музыкальной классики: Чайковский, Рахманинов, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Глиэр. Одна из сентябрьских недель была посвящена Андрею Петрову: над Стрелкой Васильевского острова, над палубами прогулочных теплоходов проплывали мелодии из «Берегись автомобиля», «Осеннего марафона». Супруга композитора Наталья Ефимовна сказала, что Андрей Павлович был бы счастлив их услышать в таком «кинофильме».

Это даже не звуковое шоу, как называют организаторы, а культурно-просветительская акция. Безупречно петербургская. С богатым потенциалом развития. Можно ведь открывать очередной сезон поющих мостов концертом живой музыки. Объявить международный (или на-

родный!) конкурс мелодий для каждого из них, и пусть авторитетное жюри выявляет победителя.

Конечно, нужны деньги на монтаж оборудования, на систему распределенного звука. В прошлом году нашелся спонсор. В этом его пока нет. Между тем перспективы создания нового городского бренда для профессионалов очевидны. В первом сезоне шоу посетили более двух миллионов человек.

Придумал идею «Поющих мостов» Сергей Серезлеев, воплощает ее Людмила Яковлева. У них принцип — ни копейки из городского бюджета на проведение праздника. Значит, нужно подключать механизмы партнерства, сочетания усилий и интересов власти, бизнеса, общественных структур.

Потому наш альманах социального партнерства, который вместе с Эрмитажем уже 12-й раз проводит петербургский праздник с международным участием — День Мецената, об этом и пишет. Скоро, как в песне, вновь разольется «белая ночь над Невой».

Аркадий Соснов,
главный редактор альманаха
«Русский Меценат»

НАСЛЕДИЕ

СПАСИБО, ГОСУДАРЬ!

Что означал визит Петра I в Париж для Санкт-Петербурга и России / стр. 4

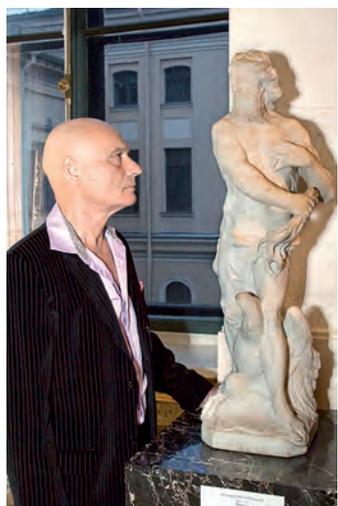
ДОЛГИЙ ПУТЬ В РОССИЮ

Реликвии семьи Бенуа возвращаются в Петергоф / стр. 9

БЛАГОТВОРИТЕЛИ

КРЕСЛО С ГРИФОНАМИ

В жизни коллекционера Юрия Абрамова нет ничего случайного / стр. 16

ЭФФЕКТИВНАЯ ПРАКТИКА

ПЛАНЕТА ПОЛИТЕХНИКОВ

Гордость ведущего технического университета страны — его выпускники / стр. 26

УЛИЦА МИЛОСЕРДИЯ

«ЛЁНЬКИН КОТ» ПО НАУКЕ

Профессор-экономист создал фонд помощи бездомным животным в память о сыне / стр. 30

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

ПУСТЬ МИР УСЛЫШИТ

Общечеловеческие ценности семейной компании / стр. 36

В РИТМЕ ВАЛЬСА И САЛЬСЫ

Главное — не считать свою судьбу изломанной / стр. 46

ВОЛШЕБНАЯ СИМФОНИЯ

Фестиваль для детей с ограниченными возможностями по слуху / стр. 48

Воспитывать в лоб вообще нельзя. Почему мы и поехали по школам с выставками. Мы не говорим детям: «Любите животных». Мы говорим: «Нарисуйте их, а там посмотрим».

*Профессор Валерий ГОРДИН,
заместитель директора Высшей
школы экономики в Санкт-Петербурге,
учредитель благотворительного фонда
помощи бездомным животным
«Лёнькин кот» / стр. 30*

Спасибо, государь!

ЧТО ОЗНАЧАЛ ВИЗИТ ПЕТРА I В ПАРИЖ ДЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И РОССИИ

Евгений АНИСИМОВ, писатель, доктор исторических наук, научный руководитель Института Петра Великого

Иллюстрации: Государственный Эрмитаж, из книги Сергея Мезина «Петр I во Франции»

Таким увидел русского царя Жан-Батист Удри, но в Россию с Петром ехать отказался.

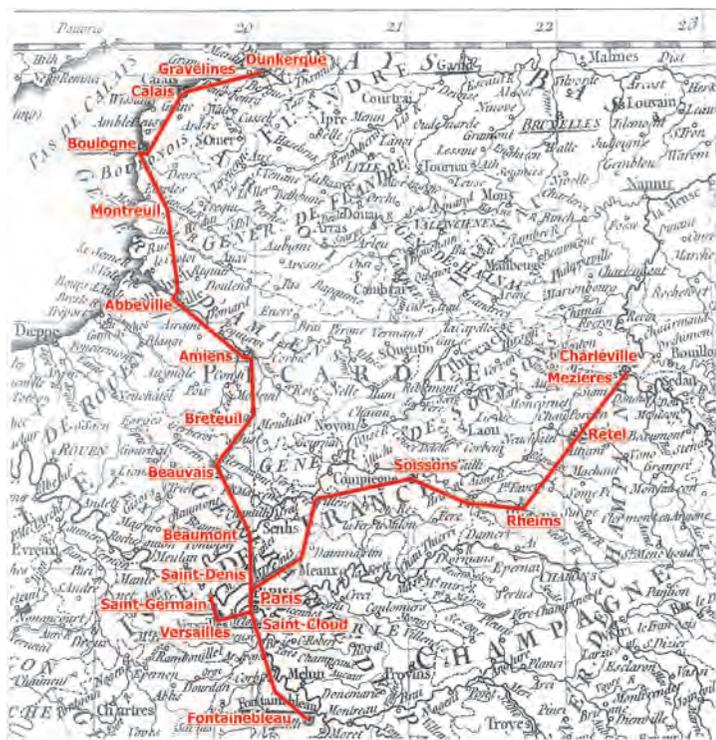
Триста лет назад, весной 1717 года, Петр Великий жил в Амстердаме — в Голландию он приехал с частным визитом еще осенью 1716 года. Царь вроде бы уже собирался домой, в Россию, как вдруг отправился совсем в другую сторону — во Францию, в Париж. И этот очередной каприз Петра (вспомним, что Н. М. Карамзин и Санкт-Петербург назвал «капризом Петра Великого») оказался необыкновенно важен для России, для Петербурга, для нас, ныне живущих.

Вообще-то отношения двух стран были традиционно плохими, часто враждебными: стоит напомнить, что с Францией Россия воевала шесть раз! — только с Турцией больше. Было много причин для взаимных неудовольствий и распрей. Главная состояла в том, что Франция постоянно поддерживала Польшу и Турцию, а с ними у имперской России были свои сче-

ты. Но, даже несмотря на такой крайне неблагоприятный общеполитический фон, французское культурное влияние на Россию XVIII века было огромным, порой подавляющим, в сравнении с влиянием на нее голландской, английской, немецкой и итальянской культуры. По масштабам и глубине это французское воздействие на Россию в XVIII веке можно сравнить только с американским влиянием в XX веке даже в тех странах, которые гордятся своим последовательным антиамериканизмом.

Это не парадокс и не случайность, ибо идет речь о влиянии культуры (в последнем случае — массовой культуры), различных культурных практик, языка, искусства, идей и образов — всего того, что не боится грозной пограничной (а пуще — таможенной!) стражи. Такое влияние легко переселяется из головы в голову, поскольку определяется не указами и регламентами,

Наследие

а здравым смыслом, прагматизмом, законами эстетики, всепобеждающей модой и аппетитом.

Как бы то ни было, во времена Петра I и Людовика XIV отношения между странами были весьма прохладные, если не сказать ледяные. Однако в 1714 году «король-солнце» умер и на престоле оказался его пятилетний правнук Людовик XV, а регентом стал Филипп Орлеанский. Русские дипломаты, почувствовав, что в Версае подули новые ветры, рекомендовали Петру попробовать наладить отношения с Францией — от нее очень многое зависело в европейских делах, а России хотелось наконец закончить длившуюся почти два десятилетия войну со Швецией. Увы, надежды на то, что Франция, пользуясь сво-

им влиянием, станет посредником в достижении вождя мира, не оправдались — слишком разными были интересы сторон, но это ушло на задний план. Петр отправился в Париж, что изменило нашу историю и нашу судьбу.

Он въехал в столицу Франции в конце апреля, когда все цвело в ее многочисленных садах и парках. Конечно, это был еще старый Париж, еще до его перестройки времен Наполеона, но и тогда он был великим, многолюдным городом — истинной мировой столицей. Визит русского царя привлек всеобщее внимание французов. К тому времени Петр достиг огромных успехов и превратил Россию из глухой, провинциальной страны в могучую державу, с которой следовало считаться. Да и о самом Петре уже тогда ходили легенды как о человеке необычайном, в высшей степени оригинальном и умном. И Петр подтвердил свою репутацию уже тем, что повел себя в Париже совсем не так, как было принято всегда: официальные визиты, балы, приемы.

Для начала государь отказался поселиться в Лувре, а устроился в довольно непритязательном отеле (особняке) Ледигьер, причем жил там весьма скромно, как, собственно, привык жить всегда. Правда, одно поразило французов — по его приказу на берегу Сены была быстро построена баня, без которой царь, как и положено русскому человеку, не мог обходиться. Впрочем, не это потрясло сопровождавших Петра французских вельмож. Им был представлен план того, что хотел бы посмотреть русский монарх. В этом списке были не только экскурсии по городу, но и масса объектов, куда обычно не заглядывали высокопоставленные визитеры: мануфактуры, арсеналы, музеи, картинные галереи, монетный двор, типография, ботанический сад и т. д.

Причем это были не просто ознакомительные экскурсии, как принято ныне, когда, накинув белый халат, вельможа снисходительно слушает рассказ заикающегося от волнения дирек-

Фото слева направо:
Французский маршрут Петра Великого.

Жан-Марк Натье создал, пожалуй, самый элегантный портрет Петра I. 1717 г. Из собрания Государственного Эрмитажа.

Людовик XV. «Дитя зело изрядное образом и станом» (Пётр I).

По устному преданию, Петр, поднимаясь по лестнице в Тюильри, взял короля на руки со словами: «Всю Францию на себе несу».

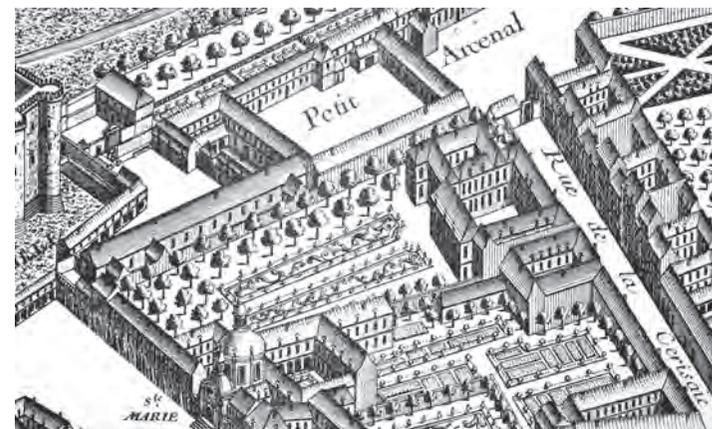
Фрагмент памятника «Петр I целует инфанта Людовика XV». Установлен в ГМЗ «Петергоф» в 2005 году. Николай Карлыханов по модели Л. А. Бернштама.

тора компании у какого-нибудь стенда и затем величественно следует дальше. Нет, Петр, вопреки протоколу, надолго задерживался в мастерских литейщиков, плотников и столяров, выспрашивал у них подробности, порой сам брался повторить то, что делали мастера, будь то тиснение медалей, плетение ковра на знаменитой фабрике гобеленов или травление пробы на стекольной мануфактуре. Этот русский владыка огромной страны с пронзительным взглядом и мозолистыми руками поражал французов своими глубокими знаниями техники, необыкновенной любознательностью, умением понять суть вещей, найти нужные слова для содержательного разговора и очень естественной простотой и сердечностью.

Он многие часы проводил в картинных галереях, ботаническом саду, рассматривая произведения искусства и коллекции, засыпал вопросами сопровождавших и постоянно что-то записывал и срисовывал. Несколько раз бывал в Парижской обсерватории и скрупулезно разглядывал через телескоп звездное небо, а однажды, оторвавшись от окуляра, задумчиво произнес: «Бесконечен звездный мир, что свидетельствует о бесконечности Бога и его непознаваемости людьми. Светские науки далеко еще отстают от познания творца и его творения». Между прочим, даже теперь многие физики (а не только обычные люди) думают так же. А как он наслаждался Версалем и другими садами, ибо садовое искусство было его слабостью, как мечтал перенести все лучшее из Франции в свой Петербург, который называл в письмах на французский манер «парадиз» — рай!

С учетом сказанного можно понять тех специалистов разных профессий, которых русские дипломаты начали, по воле Петра, приглашать в Россию поработать. Они видели, какой государь их приглашает, их прельщало новое дело, да и обещанные большие гонорары. И многие согласились поехать в далекую страну с надеждами и чаяниями лучшей жизни. Заметим, что большинство согласившихся были гугенотами, которых

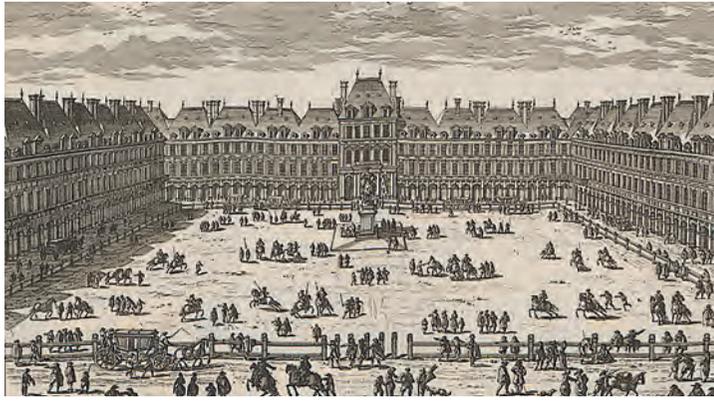
Отель Ледигьер находился под стенами Бастилии, куда в то время был заключен Вольтер. Иллюстрация из книги С. Горбатенко «Архитектурные маршруты Петра Великого». СПб., 2015.

притесняли в католической Франции, так что для них отъезд в Россию был спасением от гонений, а то и тюрьмы или костра. Визит Петра положил начало своеобразной французской экспансии в новую русскую столицу.

Вождем этого массового движения (речь идет о сотнях мастеров) стал выдающийся архитектор Жан-Батист Александр Леблон, ученик строителя парка Версаля Андре Ленотра. Петр, человек осторожный, недоверчивый, был тем не менее в восторге от Леблона. Он писал о нем Меншикову: «Сей мастер есть из лучших в свете и прямою диковенкою есть, к тому же не лениф, доброй гуморы есть человек, также кредит великой имеет мастеровых во Франции». Царь сразу же заказал Леблону проект строительства «Стрелинской мызы огороду» — будущего, как думал Петр, русского Версаля.

Прибывших в Петербург французов встречали, как и было написано в указе Петра, «ласково», селили в готовых домах на Васильевском острове, и вскоре тот квартал, что тянется от Невы за нынешней Академией художеств до Большого проспекта, стал называться «Французеской слободой». Здесь

Наследие

образовалась колония французов самых разных профессий: художников, литейщиков, столяров, резчиков, слесарей, врачей, поваров, скульпторов.

За первым «десантом» последовали второй, третий. За актерами труппы Шарля Сереньи высадились люди балетмейстера Жана-Батиста Ланде, основавшего балетную школу, которая ныне носит имя Вагановой. Все они селились тут, на «Ваське», писали домой и приглашали в Россию своих друзей и родственников. Для многих Россия стала второй родиной, вместе с русскими и мастерами других стран они возводили и украшали самый европейский город страны, несли в него культуру своей великой Франции, и следы их трудов угадываются во многих чертах Петербурга нынешнего.

В самом деле, смена стиля барокко на классицизм произошла во многом благодаря французским архитекторам во главе с Валлен-Деламотом. Луи Каравакк писал портреты Петра и Екатерины. Изящные решетки на балконах Эрмитажа сделал француз Гийом Белин по рисунку решеток с любимого Петром корабля «Ингерманландия». Всем хорошо известна картина Николая Ге «Петр допрашивает царевича Алексея в Петергофе», и почти никто не знает, что изображенный художником мраморный «шахматный», черно-белый пол Монплезира (с французского — «мое удовольствие») — произведение французского мастера Кардасье, а великолепный плафон — другого француза, Филиппа Пильмана. В Большом дворце до сих пор сохранилась великолепная резьба Э. Фоле и Ж. Мишеля по эскизам французского мастера Никола Пино. С детства петербуржцы помнят трогательный петергофский «фабольный» фонтан «Фаворитка», в котором по проекту того же Пино лающая собачка гонит по кругу и уже триста лет не может догнать кричающих уток. Таких примеров десятки, если не сотни.

А когда я иду по городу вдоль Невы и вздрагиваю, как и все петербуржцы, от громкого выстрела с бастиона Петропавлов-

Филипп Орлеанский живостью характера и любознательностью напоминал русского царя.

Фото сверху вниз:

С Королевской площади (ныне площадь Вогузов) со статуи Людовика XIII началось знакомство Петра с Парижем.

Петр много раз проезжал по Новому мосту, и перед ним открывалась парадная перспектива набережных Сены, уже одетых камнем.

Во дворце Тюильри Петр встречался с юным Людовиком XV.

В наши дни из Парижа в Санкт-Петербург можно переместиться всего за три часа, как и из Санкт-Петербурга в Париж. И увидеть немало общих черт.

Фото слева направо:
Вид на Дом инвалидов
и на Исаакиевский собор.

*«Санкт-Петербург
впитал в себя
и французскую
“кровь” и стал
таким красивым
и величественным,
как Париж».*

ской крепости, то снимаю шляпу и поминаю Осипа Николаевича Делиля. Это он, великий французский астроном Жозеф-Никола Делиль, приехал по приглашению Петра в Россию, в основанную царем Академию наук, чтобы прославить и себя, и Петербург, и Россию своими открытиями. Ему мы обязаны и этой «пушечной» традицией, без которой уже не можем жить, как и без всего того, что принесли в нашу культуру веселые французы из мирного «десанта», высадившегося на берег Невы в те давние времена. Благодаря им Санкт-Петербург впитал в себя и французскую «кровь» и стал таким красивым и величественным, как Париж.

После Петра, во времена правления его дочери Елизаветы, а потом Екатерины Второй, к нам пришла галломания (франколюбие). мода на все французское стала распространяться из российской столицы по городам и весям. Она проявлялась не только в одеждах, парфюмерии, но и главным образом в духовной сфере. Минимум три-четыре поколения русских дворян (включая Пушкина и Тургенева) питались идеями французского Просвещения, имена Вольтера, Даламбера, Руссо были святыми для русского мыслящего общества. Даже Отечественная война 1812 года не уничтожила возвышенного отношения к ценностям культуры Франции. Поразительно, что язык этой

страны оставался основным для светского, да и военного общества — не забудем, что совет в Филях, где Кутузов и прочие русские полководцы решали судьбу Москвы, проходил... на французском языке!

В дальнейшем культурные и человеческие связи с Францией только крепили. Для русского человека Париж и тогда, и теперь остается Меккой культуры и вкуса. Вся наша жизнь с детства не обходится без книг французских писателей (назовем хотя бы обворожительного Дюма с его мушкетерами). Без Валлен-Деламота (Новая Голландия, Академия художеств), Тома де Томона (Биржа), Фальконе (Медный всадник) и Монферрана (Исаакий и Александровская колонна) мы не мыслим архитектуры, без французских импрессионистов — живописи, без Мариуса Петипа — хореографии... А Париж в нашем сердце всегда, и какое счастье, что можно сесть в самолет и через три часа уже гулять в Люксембургском саду, пить кофе с круассаном в уютном кафе на Монмартре, бродить по улочкам Латинского квартала и не чувствовать себя в чужом городе.

А причиной тому — Петр, вдруг решивший из Амстердама повернуть на Париж и тем самым связавший наши страны, города и души. Спасибо тебе, государь!

Долгий путь в Россию

РЕЛИКВИИ СЕМЬИ БЕНУА ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ПЕТЕРГОФ

Елена КАЛЬНИЦКАЯ, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф». Иллюстрации: архив ГМЗ «Петергоф»

Известный во всем мире русский дворянский род Бенуа имеет французское происхождение. Его родоначальником в России является Луи Жюль Сезар Огюст Бенуа (1770–1822), который покинул Францию в период революционных событий 1794 года, чтобы обрести новый дом в чужой стране. В период правления императора Павла I служил главным кондитером у его супруги, императрицы Марии Федоровны. Так началась российская история рода.

Многие представители династии в большей или меньшей степени были связаны с Петергофом. На его территории ярко проявился талант архитектора Николая Леонтьевича Бенуа (1813–1898), который творил для Николая I в полюбившемся императору стиле неоготики. Его сын, художник, искусствовед и художественный критик Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), признавался в своих «Воспоминаниях», что отсутствие у

Портрет Луи Жюля Бенуа (копия с работы Н. де Куртейля, 1820). В. И. Думитрашко. Вторая половина XIX в.

Портрет Николая Леонтьевича Бенуа. В. И. Думитрашко. Вторая половина XIX в.

Портрет Александра Николаевича Бенуа. Е. А. Бенуа-Клеман. 1936 г.

Вид Дворца Сен-Клу со стороны дороги в Версаль. Жак Риго (1681–1754). Франция.

членов семьи даже «гомеопатической дозы» русской крови не помешало им стать «вполне русскими» не только по подданству, но и по языку, бытовым особенностям и некоторым свойствам характера.

Почти тридцать лет назад, в 1988 году, история семьи Бенуа получила яркое воплощение в музейной жизни Петергофа. По инициативе сына Александра Бенуа, Николая Александровича Бенуа (1901–1988), здесь открылся Музей семьи Бенуа, в создании которого приняло участие много известных петербуржцев, в первую очередь Валентина Ивановна Матвиенко. Экспозиция музея, созданием которой руководил директор ГМЗ «Петергоф» Вадим Валентинович Знаменов, имела в основе произведения живописи, скульптуры и графики, предметы декоративно-при-

кладного искусства, семейные фотографии, подлинные бытовые вещи представителей династии.

Александр Николаевич Бенуа шуточно называл себя «продуктом художественной семьи», а мы с полным основанием считаем этот «продукт» едва ли не самым петергофским. Уже в ранних работах мастера, представленных на выставках «Мира искусства», тема Петергофа зазвучала в полный голос. Одновременно воображение Бенуа волновали красоты, хорошо знакомые ему по долгому проживанию во Франции.

Сегодня каждый исследователь Петергофа понимает, сколь живучими оказались штампы, сложившиеся на протяжении трех столетий: «Петергоф — это русский Версаль», царь Петр возжелал у себя «устроить подобие Версаля», создать «огород не хуже

версальского...» и так далее. Сквозь магический кристалл времени прошлое Петергофа видится все отчетливее, а историки резиденции точнее осознают, в чем сходство и различие двух фонтанных столиц мира.

Александр Николаевич Бенуа одним из первых написал об этом весьма объективно: «Но если, действительно, Петр был в 1717 году поражен резиденцией французского короля, если в память этого он и назвал один из павильонов в Петергофе Марли, если и другое петергофское название Монплеизир можно принять за свидетельство его «французских симпатий», если встречаем как раз в Петергофе имена трех художников, выписанных царем из Франции (архитектора Леблона, живописца Пильмана и скульптора Пино), то все же в целом Петергоф никак не напоминает

Францию и тем менее Версаль. То, что служит главным художественным украшением Петергофа — фонтаны, отражает общее для всей Европы увлечение садовыми затеями, однако ни в своем расположении, ни в самом своем характере эти водяные потехи не похожи на Версальские. Скорее в них чувствуются влияния немецкие, итальянские, скандинавские, но и эти влияния сильно переработаны согласно личному вкусу Петра и других русских царей, уделявших немало внимания Петергофу. ...Наконец и природа, несмотря на все старания (особенно самого Петра) победить суровость петербургского климата или создать хотя бы иллюзию, будто эта победа удалась, — природа осталась здесь несколько худосочной, почти чахлой. Временами непосредственная близость к морю делает и то, что существование в Петергофе ста-

Вид на Большой Петергофский дворец и Большой каскад.
Л. Н. де Леслинас — рисовал,
К. Нике — гравировал.
Франция. 1768 г.

«...самому Петергофу действительно свойственна особенная и единственная пленительность».

Александр Бенуа

Наследие

новится мучительным. Дожди, туманы, пронизывающая сырость — все это характерные явления для всей петербургской округи».

Неизменно размышляя о Версале и Петергофе в их единстве и противоположности, Бенуа признавался, что «был близок к тому, чтобы согласиться с теми соотечественниками, которые меня уверяли, что наш Петергоф куда великолепнее Версаля». В творчестве Бенуа-художника можно проследить две излюбленные темы: «Франция эпохи “короля-солнце”» и «Петербург XVIII столетия».

О Петергофе А. Н. Бенуа не забывал и впоследствии, сотрудничая с журналами «Художественные сокровища России» и «Старые годы». После Октябрьского переворота приложил немало усилий для разработки плана действий по охране памятников архитектуры и сокровищ искусства, ставших достоянием народа. Бенуа работал в различных художественно-исторических комиссиях, исследовал частные коллекции Юсуповых, Строгановых, Шереметевых, Шуваловых и другие, заведовал картинной галереей Эрмитажа.

Для Петербурга и во имя Петербурга А. Н. Бенуа сделал немало славных дел. Однако жизнь в большевистской России со временем стала тягостной для мастера, и в 1926 году, находясь в Париже, он принял решение не возвращаться в СССР и до конца своих дней прожил во Франции.

Сын Александра Бенуа — Николай, родившийся в Ораниенбауме и выросший в Петербурге, в 1924 году по приглашению Национальной оперы Франции уехал в Париж, а в 1936 году стал руководителем постановочной части театра «Ла Скала» в Милане. Для великого театра он оформил порядка 300 спектаклей, и многие эскизы декораций ныне хранятся в Музее семьи Бенуа.

В конце 2016 года уникальное петергофское собрание пополнилось ценнейшими предметами — мольбертом, палитрой и кистями Александра Николаевича Бенуа с удивительной историей. Более тридцати лет его сына Николая Александровича связывала

Наследие

дружба с итальянским виноделом Пьетро Питтаро и его супругой, много времени они проводили вместе, говорили о разном, делились воспоминаниями. После смерти старого друга Питтаро приобрел у вдовы некоторые живописные работы и вещи Александра Бенуа.

В период работы V Санкт-Петербургского культурного форума (декабрь 2016 года) чета Питтаро прибыла в Петербург, где уже бывала. На сей раз гости стремились не только познакомиться с достопримечательностями Северной столицы: Пьетро Питтаро принял решение передать личные вещи Александра Бенуа и две его авторские работы в дар Музею семьи Бенуа. В осуществлении этого намерения нашему дарителю содействовала президент Центра кинофестивалей и международных программ Татьяна Владимировна Шумова. День Мецената-2017 — прекрасный повод для того, чтобы выразить благодарность и нашим дарите-

Музей семьи Бенуа в Петергофе.

Петергоф. Монплеизир. А. Н. Бенуа, с этюда 1918 г. Бумага, акварель, гуашь, графитный карандаш, тушь. Франция. 1942 г.

А. Н. Бенуа на фоне своей картины «На берегу пустынных волн...». Фотография сделана в Париже в 1950-е годы.

Фото на странице 12:
Дождь в Версальском парке.
А. Н. Бенуа. 1906 г.

Петергоф. Большой каскад.
Актеон. А. Н. Бенуа. 1900 г.

Семья Бенуа в Петергофе.

лям — семье Питтаро, и всем, кто поддержал их в этом добром и благородном деле.

В нашем распоряжении теперь оказалась фотография Александра Бенуа, снятого возле своего мольберта, на котором установлена знаменитая акварель «На берегу пустынных волн...», ныне входящая в наше собрание. В экспозиции Музея семьи Бенуа мольберт и картина вновь соединятся: круг их бытования замкнулся, воплотилась в реальность давняя мечта, высказанная художником на склоне лет: «пристроить» часть документов своего архива в Русский музей. Думаю, что возвращению его личных вещей и работ в любимый Петергоф он тоже был бы рад.

Торжественная передача мольберта состоялась в Мариинском театре, перед официальной церемонией открытия Культурного форума во время встречи Президента России В. В. Путина с российскими и иностранными деятелями культуры. Перед этой высокой встречей наши гости волновались, радовались и обещали, что Петергоф ждут их новые дары.

И последнее. Когда мольберт Александра Бенуа занял свое достойное место в экспозиции, в Петергоф пришло письмо из Парижа, из Посольства Российской Федерации. Большой ценитель русской культуры посол РФ во Франции Александр Константинович Орлов сообщал, что в посольство обратился депутат Национального собрания Франции, руководитель фракции «Республиканцы» Кристиан Жакоб с просьбой оказать содействие издателям в подготовке задуманного во Франции обширного труда, посвященного истории династии Бенуа.

Петергоф с удовольствием поддержит эту инициативу и приложит все усилия для дальнейшего развития российско-французских культурных связей.

Церемония дарения картин в рамках
V Санкт-Петербургского международного
культурного форума.

Иллюстрации сверху вниз:

На вилле Степанова.

А. Н. Бенуа.

Италия (?). 1931 г.

Эскиз декорации к опере

М. И. Глинки «Жизнь за царя».

Н. А. Бенуа.

Ла Скала, Италия, Милан. 1959 г.

На берегу пустынных волн...

А. Н. Бенуа.

Франция. 1920–1940-е гг.

Кресло с грифонами

В ЖИЗНИ КОЛЛЕКЦИОНЕРА ЮРИЯ АБРАМОВА НЕТ НИЧЕГО СЛУЧАЙНОГО

Аркадий СОСНОВ. Фото: Евгений Синявер, Лариса Тиктинская, Тимур Тургунов

ДАНО: бронзовая конная статуэтка, найденная среди утиля в Архангельске.

ТРЕБУЕТСЯ ДОКАЗАТЬ: ее место в коллекции Государственного Эрмитажа.

Наверное, форма теоремы близка антиквару Юрию Абрамову. Как-никак доктор физико-математических наук, специалист по (расслабься, читатель) спектральной теории операторных пучков в гильбертовом пространстве. В этой достаточно общей, по математическим меркам, теме он нашел ответвление, связанное с теорией волноводов, и добился интересных результатов, имеющих и практическое значение — впрочем, не для антикварного бизнеса.

Этот художавый, аскетической внешности человек знает о старинных вещах нечто такое, что простым смертным неведомо. Абстрактнейшая из наук, которой он отдал полвека, включая

37 лет преподавания на кафедре высшей математики Финансово-экономического института, научила его ценить красоту материальных предметов, обострила интуицию до озноба при встрече с неопознанным шедевром. Сидя в ампирном кресле с резными золочеными подлокотниками в виде грифонов (начало 1820-х, проект Карла Росси), Абрамов признается: «Я не боюсь резких поступков и никогда их не обдумываю — это облегчает жизнь в конкурентной среде». Еще одной способности — не только мгновенно принимать решения, но и жестко исполнять их вопреки противодействию — он обязан баскетболу: увлекся им почти одновременно с математикой, в пятом классе школы.

Два года назад Юрий Абрамов уже пополнил коллекцию Эрмитажа мраморным Юпитером работы венецианского мастера Антонио Тарсия — то был подарок простого профессора, как он смиренно себя называет, к 250-летию великого музея. Подарок за-

Благотворители

нял место в Итальянских просветах, в постоянной экспозиции Зимнего дворца. Юпитер этот — одна из шести статуй, купленных в 1718 году в Венеции петровским сановником Саввой Владиславичем-Рагузинским для царицы Екатерины I и украшавших Летний сад.

В конце XVIII века бог-громовержец загадочно исчез (к чему, по мнению доктора искусствоведения Сергея Андросова из Эрмитажа, приложил загребущую руку придворный архитектор Павла I Винченцо Бренна в ходе постройки Михайловского замка). Статуя считалась безвозвратно утраченной, но, к изумлению специалистов, объявилась в XXI веке. Абрамов приобрел ее во время ночной прогулки вдоль Невы, по устному описанию приятеля, не глядя и не торгуясь. А вскоре уже в своем салоне вместе с Андросовым рассматривал буквы на постаменте: TERSIA (так нередко подписывался итальянец) и S. V. — отличительный лейбл закупок Саввы Рагузинского. Трепетная деталь: в Эрмитаже Юпитер воссоединился с парной статуей Юноны, которая ждала его двести с лишним лет.

Вскоре к Абрамову обратились из Министерства культуры с предложением продать статую для торжественной передачи Эрмитажу очень значительным лицом. Фигурировала столь же значительная сумма. Коллекционер попросил паузу — посоветоваться с женой. Хотя решение уже принял: эта вещь и без того настрадалась, она должна быть чистой от интриг.

На церемонии дарения директор Эрмитажа Михаил Пиотровский назвал поступок Абрамова «петербургским», а профессор в кратком ответном спиче привел аналогию из мира математики: его коллега по имени Григорий Перельман тоже проигнорировал денежную премию за решение проблемы Пуанкаре, поскольку оно: а) цены не имеет, б) принадлежит человечеству. «Что касается моей скромной персоны, то я благодарен чувству пути, которое пришло ко мне рано и с тех пор не подвело», — завершил он свою бесценную речь.

Мраморный алгоритм

Насчет чувства пути никто тогда толком не понял, но виновник торжества имел в виду конкретный эпизод. Двенадцатилетний мальчуган бежал домой по весенней ленинградской улице — солнышко светило, таял под ногами снег — и вдруг его осенило. Словно кто-то продиктовал: «Юра, тебя ждет яркая жизнь, главное — делай то, что считаешь нужным и свой выбор не предавай». К тому времени он уже выбрал математику и баскетбол и потому решил, чтобы преуспеть в них, отбросить все лишнее. В том числе регулярное посещение школы. При невысоком для баскетбола росте тренировался, надев десятикилограммовый свинцовый пояс, ради развития прыгучести придумывал фирменные финты и... допрыгался до звания мастера спорта, игрока сборной города. За пропуск занятий в школе получал тройки по поведению, зато к ее окончанию освоил университетскую программу по математике.

Юрий Абрамов
в любимом кресле.

Фото на стр. 16:
«В этой статуэтке есть наивность XVIII века и то легкое несходство, с которым иностранные мастера изображали русского монарха».

Елена КАРПОВА

Михаил Пиотровский на церемонии дарения Юпитера Государственному Эрмитажу.

Приходя в Эрмитаж, Абрамов обязательно навещает Юпитера: «Подпитываюсь его энергетикой. Этот Юпитер многое видел на своем веку и мог бы кое-что рассказать о своих приключениях, а о некоторых мы так и не узнаем».

В начале 1990-х почти все участники семинара по изучению катаклизмов в гильбертовом пространстве, проходившего в Петербургском отделении Математического института имени В. А. Стеклова на Фонтанке, где Абрамов и пересекался с Перельманом, отчалили на Запад. Абрамов остался, здесь его многое удерживало, как тот свинцовый пояс (в баскетбол, правда, уже не играл). Чем искушенного математика привлек антиквариат, объяснить сложно. Мир не совсем чужой — вырос в профессорской семье, среди красивых вещей и не чурался их, любил менять мебель в доме. Важнее, наверное, то, что толкнуло его на поиск раритетов — осознанный вызов неведомого пространства, которое на входе казалось ему гораздо проще гильбертова. Надеялся на интуицию и внутренний навигатор, прилагавшийся к чувству пути.

Напрямую тягаться с антикварами старой школы, выжившими в катакомбах советской системы, было бессмысленно. Новичок искал сегменты рынка, в которых реально было стать лидером, и нащупал свою нишу — собирание мраморной скульптуры. Почему-то в советское время она была не слишком в ходу. По его наблюдениям, в стране разрознено, вне системных коллекций наличествовало немало достойных произведений из мрамора, в том чис-

ле итальянского. В этом подпространстве был шанс выйти на вещи экстра-класса, на первые имена, и Абрамов им воспользовался.

Однажды (еще до заочной покупки, обернувшейся Юпитером) он был в гостях у опытного антикара и увидел бюст, от которого не мог оторвать глаз. Точнее, тот воплощенный в мраморе бородач с перебитым носом смотрел на него испытующе. Его проняло до озноба: не уйду, пока не куплю, даже если придется заночевать. Хозяин полагал, что это XIX век, и довольно легко согласился на сделку. Ночью одержимый покупатель на руках притащил мраморного незнакомца в свой салон и остался с ним один на один. Едва дождавшись утра, позвонил в Эрмитаж. Впоследствии уже упомянутый завсектором живописи и скульптуры отдела истории западноевропейского искусства Сергей Олегович Андросов исследовал находку и атрибутировал ее как (тут должна быть барабанная дробь) ранее неизвестный бюст Микеланджело работы римского скульптора третьей четверти XVI века! Абрамов дерзко допускает, что это автопортрет гения.

Столь же магическим образом в его салоне появился мраморный бюст графини Ольги Орловой. Увидев его, Абрамов был поражен простотой и выразительностью женского лица, исполненно сдержанной печали. Еще не подозревая, что перед ним творение итальянского скульптора начала XIX века Лоренцо Бартолини (чьим присутствием гордятся Лувр и Эрмитаж), ощутил знакомый озноб. А вскоре завсектором скульптуры XVIII — начала XX века Русского музея Елена Карпова, приступившая к изучению «Портрета неизвестной» работы неизвестного скульптора, проанализировала заказы, полученные Бартолини от русской знати, в том числе от семьи Орловых, сравнила живописное и скульптурное изображение графини Ольги Александровны и установила авторство бюста, о чем сделала несколько научных докладов, в том числе в Италии. Коллеги были впечатлены. Да и кого не убедила бы найденная Карповой в галерее Академии во Флоренции в мемориальной Gipsoteca Bartoliniana гипсовая модель этого портрета!

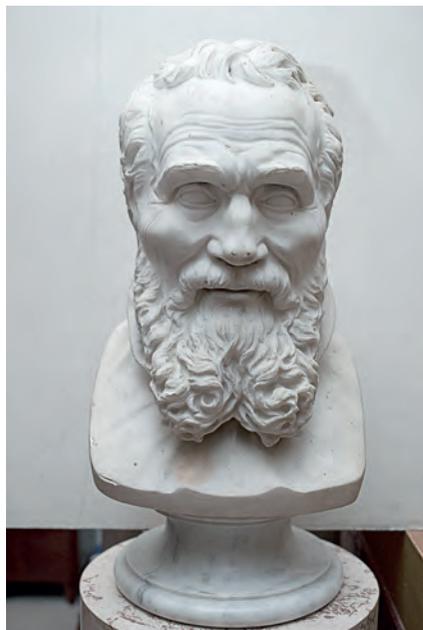
Благотворители

Проверка на благородное происхождение ожидает и мраморного фавна, прибывшего в салон Абрамова предположительно из XVII века. Профессор уверенно называет его создателем итальянского архитектора и скульптора, гения барокко Джованни Бернини. Аргументы о том, что ну нет сегодня Бернини, по крайней мере в антикварных закромах Петербурга, отмечает с победительной улыбкой: «В имперской столице все найти можно». Мол, Тарсия и Бартолини тоже быть не могло.

Человек, который «ищет удачу там, где другие не топчутся», преуспел после математики и в коллекционировании. Одному не научился: скрывать восхищение перед шедеврами, хотя бы делать poker face — серьезный недостаток для бизнесмена. Так он и не бизнесменом себя считает, а просветителем. Что вполне доказал, создав первый в новой России частный музей дворянского быта.

Дворянское гнездо

Место для музея по поручению тогдашнего мэра Анатолия Собчака помогал подбирать председатель КУГИ Михаил Маневич, ученик профессора по Финэку. Остановились на одном из причудливых памятников архитектуры петровского Петербурга — громадном здании Императорского конюшенного ведомства. Абрамов с двумя компаньонами получил в аренду три тысячи квадратных метров на трех этажах в его левом крыле сроком на 49 лет, что не сулило им легкой жизни. Профессорские и заработанные на антиквариате деньги вкладывались в расчистку от векового мусора, ремонт и реставрацию помещений по чертежам 1830-х годов архитектора Стасова. Расходы росли, как сугробы снежной зимой на огромной Конюшенной. Вскрыв прохудившиеся полы, обнаружили затопленный трехгалерейный подвал эпохи Петра. Воду вперемешку с бензиновыми фракциями (наследие автобазы ГУВД) откачивали насосами. Потребовалась сложная гидроизоляция — подвал расположен на метр ниже уровня моря. В угловой башне открыли старые дымоходы, что позволило сделать настоящие, по классическим ка-

нонам, каминь. И самое невероятное — выбили разрешение соорудить в проемах арок видовые балконы: «Петр не догадался, что они здесь нужны. Если бы мы посоветовали ему, он бы согласился».

(Как вам Абрамов в роли советника Петра Великого?)

Основную экспозицию представили публике к 300-летию Санкт-Петербурга. С одного из балконов просматривались аж девять мостов через Мойку и канал Грибоедова — рекорд для Книги Гиннеса! Это был музей (каждой эпохе отвечал свой интерьер) и не музей в привычном смысле. Вещи разрешалось трогать руками — буквально прикасаться к истории — и даже поощрялось на групповых экскурсиях для слабовидящих детей. Ни смотрителей, ни скрытых камер: сами устроители следили за порядком и давали пояснения. «За все годы у нас украли один подсвечник, правда, дорогой», — усмехается Абрамов. Мог бы и не уточнять — дешевизны там не было.

Микеланджело.
Римский скульптор
третьей четверти XVI века.

Графиня Ольга Орлова.
Лоренцо Бартолини.

Фавн.
Автор пока неизвестен...

Чемпион гильбертова пространства, собиратель артефактов дворянской Атлантиды не совладал с городской бюрократией. Он смотрит на это по-иному. «Интуиция мне подсказала: прими как подарок судьбы, что тебе дано было шестнадцать лет заниматься любимым делом в сердце города. И оставлено благо делиться с ближними», — с тем и отпустил свой музей в небытие, забрав на память книгу почетных гостей с пожеланиями «так держать», «хранить и приумножать», «защищать от шариковых и швондеров». Есть в ней и автограф Элтона Джона с их совместной фотографией на фоне Спаса на Крови.

Давенпорт дороже денег

А жизнь продолжается, о чем напоминает перезвон необыкновенных часов в салоне «Ренессанс». Каждые — с изюминкой, с историей обретения, с богатой, подчас императорской родословной. Антиквар сидит в любимом кресле с грифонами и под мелодию текущего времени повторяет как мантру: «Теперь я всегда свободен и никуда не спешу». Похоже, его часы не только отмеряют прошедшее, но и позволяют заглядывать в будущее...

Воспоминания
о Музее дворянского быта.

На фото справа:
Встреча с Элтоном Джоном.

Большинство приобретенных Абрамовым реликвий когда-то непринужденно размещались в апартаментах знатных семей. Таким же виделся ему и музей — не склад антиквариата, а сумма интерьеров, аутентичных своему времени.

В экспонатах-каминах горели дрова, на экспонатах-диванах сидели посетители, в подвале проводились модные дефиле, экспонаты-столы накрывались для ужина. И гости приезжали знатные — аристократы, политики, звезды эстрады; московские и питерские киношники вели съемки. Элтон Джон, заглянув на огонек, пробыл несколько часов. Музей стал одним из центров жизни культурной элиты Петербурга. Абрамову до сих пор звонят желающие погрузиться в дворянский быт.

Увы, несколько лет назад городу понадобилось обветшалое имперское здание на Конюшенной. Целиком, под инвестпроект. Абрамов скрепя сердце перевез мебель, бронзу, фарфор, живопись, скульптуру обратно в свой салон на улице Пестеля. Площадь салона в десять раз меньше, чем музея, и там теперь точно не до экскурсий.

Благотворители

Для предстоящей в 2018 году выставки мебели эпохи историзма Эрмитажу понадобилось бюро-давенпорт — изделий такого типа в коллекции музея не было вовсе. У Абрамова же, на минуточку, имелись два давенпорта. Этот компактный стол с пюпитром для письма и элементами приватности в виде запирающихся ящичков с одного бока и их накладной имитацией с другого назван по фамилии заказчика — английского капитана Давенпорта. Впервые он был изготовлен в конце XVIII века, когда Британия правила морями, как образчик походной мебели (campaign desk). Изобретение распространилось в разных стилях и вариациях как атрибут «лучших домов Европы». Вот и в Музее-квартире Пушкина на Мойке, 12, в кабинете поэта красуется давенпорт 1830-х годов — «конторка красного дерева с ящичками, подвижным верхом и поднимающейся крышкой».

— Зачем вы второй давенпорт покупали, если у вас уже был один?

— На антикварном рынке они редкость. А редкую вещь я стараюсь купить независимо от того, есть ли аналог в моей коллекции, — доходчиво, как теорему Пифагора школяру, объяснил он. — Этот экземпляр я еще и отреставрировал — словно чувствовал, что Эрмитажу он понадобится.

Из двух своих давенпортов Абрамов подарил Эрмитажу более нарядный, русской работы, явно предназначавшийся для дамы (скругленные формы, наборные вставки на крышке пюпитра, кожа с золоченым тиснением), — тот, что сразу понравился хранителю коллекции русской мебели Наталье Юрьевне Гусевой. Вещь была заказной, о чем свидетельствует остроумное секретное устройство, не встречающееся в конструкциях западных мастеров: владелице оно открывало вход в потайную емкость под пеналом, в которой можно было прятать интимную переписку, драгоценности, литературные эскизы...

На церемонии дарения в канун нового 2017 года Михаил Пиотровский подчеркнул, что это блестящий образец мебельно-

Подарок Юрия Абрамова Эрмитажу на День Мецената-2017 — стол и стулья (фирма братьев Лизере) из Александровского дворца.

Тот самый давенпорт с секретом — теперь в коллекции Эрмитажа.

го искусства. И, перейдя от частного к общему, высоко оценил значение людей, знающих лакуны в музейной коллекции и бескорыстно помогающих их заполнить. Очередную минуту славы простой профессор пережил спокойно, в толпе журналистов и гостей. Но реплика директора Эрмитажа подвигла его на откровенность.

— Я знаю одну невероятную лакуну. У меня есть то, что позволит по-новому осветить некоторые предметы, находящиеся в Эрмитаже, правильно их атрибутировать, — поведал он с загадочной улыбкой на следующий день, извлекая из своего рабочего давенпорта стопку книг и журналов.

«Поскольку он сам ученый, хотя из другой области, с ним интересно общаться, обмениваться информацией», — говорят музейщицы, пишущие в «Звезду ренессанса». Сергей Андросов называет лишь один такой феномен: коллекционер и меценат граф Анджей Цехановецкий выпускал в 1960–1980-х годах в Лондоне фолианты с научным описанием предметов из Heim Gallery.

Петр I на коне

Не будучи дипломированным искусствоведом, этот сталкер антикварной Зоны обзавелся библиотекой по искусству о 12 шкафах. А преклоняясь перед научной экспертизой, начал издавать альманах, в котором профессионалы топ-класса верифицируют его находки. Недостатка в материалах нет — уже десять лет «Звезда ренессанса» выходит два раза в год. «Юрий Абрамов сумел привлечь к сотрудничеству в альманахе лучших музейных специалистов Петербурга, придавших ему ярко выраженную атрибуционную направленность», — подтверждает Михаил Пиотровский в предисловии к юбилейному выпуску «Звезды ренессанса».

Досье на произведения искусства, составленные авторами такого калибра, положено принимать как истину в последней инстанции. Энтузиаст с улицы Пестеля так и поступает. Но в случае с бронзовой конной статуэткой, найденной лет двадцать назад в Архангельске, двинулся дальше, отважившись

на собственные выводы. Он высмотрел и выкупил ее у несведущего коллеги. Ему хватило взгляда на фигуру всадника с орлом на шлеме и еле различимой подписью Krüger, выцарапанной на плаще, чтобы с помощью интуиции и старых немецких справочников заключить, что это статуэтка Петра Первого. Мало того — выполненная дрезденским мастером Крюгером по заказу дипломата и литератора князя Белосельского, который с 1779 по 1790 год был российским посланником в Дрездене!

И потянулась ниточка. Скульптор и медальер Фридрих Генрих Крюгер — внук резчика по янтарю и слоновой кости Вильгельма-Готфрида Крюгера, мастерскую которого в Дрездене посетил Петр в сентябре 1711 года. Статуэтка исполнена по рисунку Джованни Казановы (1730–1795), входившего в круг немецких знакомых Белосельского. Этот итальянский живописец и рисовальщик, ставший директором дрезденской Академии художеств, — брат знаменитого авантюриста Джакомо Казановы. Неплохой состав действующих лиц для детективного сюжета, в центре которого — статуэтка, найденная в архангельском утиле!

По замыслу и под руководством Казановы для Александра Михайловича Белосельского (тогда еще не Белозерского) было изготовлено два столовых прибора. В один из них, сюрту де табль из бронзы и драгоценных камней, входил и тот всадник, венчавший Триумфальную арку. Абрамов считает, что автором украшений из камня был итальянский ювелир Луиджи Валадье, которого привлек к созданию сюрту де табля соотечественник, Джованни Казанова. Композиция была представлена на выставке в дрезденской Академии художеств и предметно описана в книге И.-Г.-А. Клёбе (Лейпциг, 1796 г.) — на нее ссылается в «Звезде ренессанса» (№ 24, 2016) Елена Карпова из Русского музея.

«Петр I на коне» — так она назвала свою статью, в которой обозревает традицию изображения императора в римском об-

Благотворители

лачении, на скачущем или вздыбленном коне, начиная с античности. Дрезденская статуэтка органично смотрится в контексте скульптурных портретов Петра, созданных в XVIII веке. Образчиком для них подчас являлись монументы другим монархам, воздвигнутые в европейских городах. Иностранцы путешественники с изумлением обнаруживали во дворцах русских аристократов конные фигуры Людовика XIV с головой первого русского императора.

Как пишет Елена Карпова, по сравнению со статуями Петра-всадника из коллекций Строгановых и Воронцовых-Дашковых, выявленная Абрамовым статуэтка «представляется более самостоятельной и выразительной в своей пластической динамике». Bravo, Казанова и Крюгер, bravo, князь Белосельский! После публикации дрезденско-архангельская модель вошла в научный оборот, была показана на выставке в Русском

музее. Проследить историю ее бытования пока не удалось, констатирует искусствовед.

И с этого места Абрамов включает собственный навигатор, который приводит его в Эрмитаж, на площадку второго этажа Советской лестницы, где на огромном столе размещено плато из драгоценных камней с Триумфальной аркой, украшенной агатами, яшмой, халцедоном, аметистом и рельефной мозаикой. На арке два латинских девиза: *Nic vic est* («Вот этот славный муж») и *Non surrexit maior* («Не было никого превыше его»). Но где тот, кому они посвящены? Почему плато пустует? Дальше будет еще ряд вопросов и несколько меньше ответов...

— Однажды хранитель коллекции русской бронзы и осветительных приборов Эрмитажа Игорь Олегович Сычев прислал мне фотографию, — рассказывает антиквар. — Она запечатлела выставку часов в фойе Эрмитажного театра 1920-х годов.

Композиция на втором этаже Советской лестницы Эрмитажа.

На фото слева: Так должна выглядеть арка по версии Юрия Абрамова. Реконструкция Игоря Румянцева.

Благотворители

А на дальнем плане был различим наш Петр, венчающий арку, и угадывалось плато, на котором она стоит. Меня пронзила догадка, я вспомнил, где видел эту композицию!

На шестиметровом плато, что на Советской лестнице Эрмитажа, — 16 делений, по 8 с каждой стороны от арки — это своеобразная разметка сюрту де табля на 16 предметов. Арка и плато, судя по архивным документам, поступили в Эрмитаж из Мальтийской капеллы, значит, и недостающие предметы должны были прийти оттуда — попробовать бы отыскать их в фондах музея! Как в Мальтийскую капеллу мог попасть сюрту де табль работы Казановы — Крюгера — Валадье из Дрездена? По мнению Абрамова, был подарен Белосельским в 1799 году, когда Павел I произвел его в родовые командоры Мальтийского ордена и повелел прибавить к фамилии прозвание «Белозерский».

Игорь Сычев подсказал ему: уже в начале XIX века Белосельский-Белозерский издал гравюру с портретом Петра Великого в честь императора Александра I, и на ней повторены оба девиза, написанных на Триумфальной арке с Советской лестницы! Они были ему не просто известны, он неслучайно их подобрал. Возникает ключевой вопрос: если князь действительно подарил сюрту де табль Мальтийскому ордену, то почему без оригинальной статуэтки Петра, в итоге оказавшейся у Абрамова?

Петербургский антиквар полагает, что Белосельский как истинный коллекционер заказал две статуэтки скачущего монарха — одну для сюрту де табля, другую — для своего кабинета или галереи. И Сергей Андросов по просьбе Абрамова нашел в фондах своего отдела бронзовую статуэтку Петра — ту, с фотографии 1920-х годов, но без авторской подписи. Отлита, судя по всему, в мастерской Крюгера. Хотите знать, откуда она поступила в Эрмитаж? Тоже из Мальтийской капеллы! Не правда ли, напоминает открытие Плутона или бозона Хиггса, предсказанных теоретически?

Но и столь удивительная череда совпадений до конца специалистов не убеждает. Статуэтка с автографом Крюгера могла быть моделью, которая копировалась им, чтобы украсить сюрту де табль, описанный Клебе, равно как и для других целей. Далее: после выставки в фойе Эрмитажного театра статуэтку разлучили с аркой (о чем имеется инвентарная запись), видимо, были на то основания. И совершенно непонятными ветрами реликвию Белосельского работы Крюгера занесло в Архангельск...

Музейный мир оказался более сложным, запутанным, нелинейным, чем математический, в нем пульсируют измерения истории, искусства, человеческих отношений. Знакомые Абрамова из этого мира говорят о необходимости дополнительных исследований в России и в Германии. Он же наперед знает, что гипотеза выдержит экспертизу профессионалов и станет теоремой.

— Нам почти все известно об этом сюрту де табле, — говорит антиквар, сжимая ладонями клювастые головы грифонов на подлокотниках кресла. — Я готов помочь его собрать и заполнить лакуну в коллекции Эрмитажа. Получится фантастически красивая композиция, объединяющая имена Петра Великого, Павла I, Казановы, Крюгера, Валадье, Белосельского-Белозерского...

Возможно, мысленно добавляет... Абрамова? Уже прочертил своим математическим умом траекторию перемещения предметов из дрезденской мастерской Крюгера в экспозицию великого музея в Санкт-Петербурге?

В жизни этого человека нет ничего случайного. Ни Юпитер, ни давенпорт, ни статуэтка из Архангельска. Вот и любимое ампирное кресло от Карла Росси происходит из бывшего дома княгини Шаховской, что на Фонтанке у Невского, — ныне в нем располагается питерское отделение Математического института имени В. А. Стеклова, где он когда-то изучал закоулки гильбертова пространства.

Юрий Абрамов многое испытал на своем пути и выработал ряд принципов, начинающих, что характерно, с «не». Не совершать поступков с необратимыми последствиями. Не делать того, к чему тебя активно подталкивают. Не причинять огорчений близким людям. Не мешать уходящей природе — уйми: так в разное время было с баскетболом, со стихами (сплел венок из 15 аксиоматических сонетов и успокоился), с преподаванием высшей математики (закончил в 60 лет, хотя царил в аудитории), да и с музеем дворянского быта... Но собрание редкостей для него уже навсегда.

Планета ПОЛИТЕХНИКОВ

ГОРДОСТЬ ВЕДУЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СТРАНЫ — ЕГО ВЫПУСКНИКИ

Александр КОБЫШЕВ, начальник управления корпоративных общественных связей Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат технических наук. Фото: архив СПбПУ, Александр Крупнов

В 2019 году исполнится 120 лет со дня основания моей альма-матер — Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Это были годы бурных и сложных событий, менявших мировую историю и судьбы людей. Менялся и Политех — крупнейший технический вуз России. Неизменными оставались высочайшее качество образования и научных изысканий, ведущая роль университета как одной из основных отечественных кузниц инженерных кадров. Слово «политехник» стало символом профессионализма — применительно к студентам, выпускникам, преподавателям и научным сотрудникам университета.

Вглядитесь в фотографию из личного дела студента Петра Капицы, поступившего на электромеханическое отделение Политеха в 1912 году. На ней он одет еще в форму реального учи-

Эффективная практика

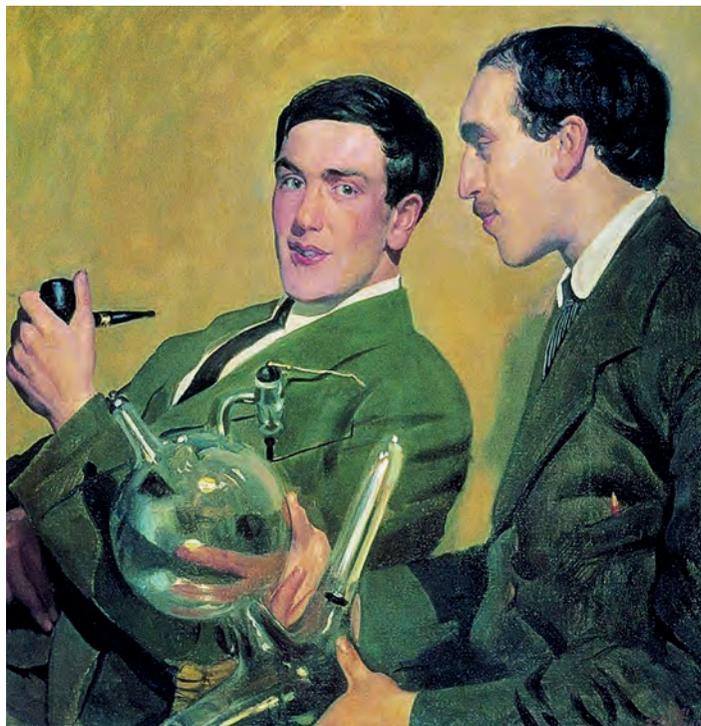
лица. Потом были Первая мировая война, работа в лаборатории Резерфорда в Англии, создание Института физических проблем АН СССР, звание Героя Социалистического Труда, опала и безработица, преподавание в Московском физико-техническом институте и мировая слава... В 1920-е годы Капица проводил совместные исследования с Николаем Семеновым, тогда ассистентом университета. Не случайно будущие нобелевские лауреаты изображены вместе на картине Бориса Кустодиева.

Наши выпускники внесли неоценимый вклад в развитие страны, будь то реализация плана ГОЭЛРО, проектирование и строительство Днепрогэса и Саяно-Шушенской ГЭС, создание металлургических и машиностроительных заводов, первого искусственного спутника Земли, первого лунохода, первого атомного ледокола.

Исключительную роль политехники сыграли в становлении отечественной науки. Так, в 1918 году в Петрограде зародился ныне знаменитый Физико-технический институт. А вырос он из семинаров и физико-механического факультета — детища Абрама Иоффе, начинавшего свою научную карьеру в 1906 году в должности лаборанта Политехнического. Впоследствии от Физтеха отпочковались многие физические институты и факультеты по всей стране.

Такие личности, как Юлий Харитон, Игорь Курчатов, Яков Зельдович, Анатолий Александров (с 1975 по 1986 год — президент Академии наук СССР), Георгий Флеров (его именем назван 114-й элемент таблицы Менделеева), создавшие ядерный щит страны, в представлении не нуждаются. Александр Байков заложил научные основы металлургии, без исследований Михаила Шателена не было бы высоковольтной электропередачи.

Особый отряд политехников — видные деятели культуры, чье формирование проходило в гуманистической ауре вуза. В их числе театральный режиссер и педагог Леонид Вивьен

Студент Петр Капица.

Такими запечатлел Борис Кустодиев молодых физиков Петра Капицу и Николая Семенова.

Памятник студенту-политехнику у первого учебного корпуса создан на средства политехников.

(инженер железобетонных конструкций), писатели Евгений Замятин, Борис Житков (инженеры-кораблестроители), Даниил Гранин (инженер-электромеханик), Александр Житинский (инженер-электрофизик), легендарный чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник (инженер-электрик).

Наши выпускники — носители политехнического духа. Уже в 1910 году они организовали Общество окончивших Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. После революции этот альянс не распался: его отделения действовали в Европе, Азии, Северной и Латинской Америке. Воспоминания членов объединения, публиковавшиеся к 25-летию и 50-летию со дня открытия

Торжественный выпуск одного из институтов Политехнического.

Лучшим средним танком Второй мировой войны стал знаменитый Т-34 конструкции Михаила Кошкина. Воздушную службу несли прославленные У-2 Николая Поликарпова, а крупнейший в мире транспортный самолет «Антей» был создан Олегом Антоновым. Все они политехники.

университета, переизданы к 105-летию с момента основания общества.

В 1990-е многие молодые ученые нашли работу за рубежом. Был среди них и наш в прошлом ленинский стипендиат Илья Безпрозванный, ставший профессором Юго-Западного медицинского центра Техасского университета. Это не помешало Илье создать в родном Политехе лабораторию нейромолекулярной дегенерации, в которой он проводит несколько месяцев в году, изучает вместе с молодыми сотрудниками болезни Альцгеймера, Хантингтона в поисках методов борьбы с фатальными недугами. Еще несколько лабораторий, возглавляемых учеными-соотечественниками, входят в состав открывшегося в 2016 году университетского центра RASA (Ассоциация русскоязычных ученых за рубежом).

Политехники — это и тысячи иностранных выпускников, составляющих инженерную, научную и педагогическую элиту своих стран. Так, аспирант из Китая Гао Дзиньдэ защитил в Политехническом кандидатскую диссертацию, признанную диссертацией докторской. В 1983 году он возглавил университет Цинхуа в Пекине, превратив его в крупнейший технический вуз КНР. В 1987 году Цинхуа первым из китайских уни-

верситетов подписал соглашение о партнерстве с российским вузом — Политехническим. Еще одним центром сотрудничества стало представительство СПбПУ в Шанхае — первая штаб-квартира российских университетов в Китае.

Наших выпускников в Цинхуа и вузах других стран объединяют зарубежные ассоциации политехников. Их поддерживает университетский центр по работе с выпускниками, начавший в 2015 году издавать журнал «Единство/Unity». В феврале 2016 года в письме ректору университета академику РАН Андрею Рудскому (разумеется, тоже выпускнику Политехнического) венгерские политехники рассказали о праздновании 60-летия своего выпуска. Формы взаимодействия университета со своими питомцами разнообразны. Логично, что по инициативе ректора была создана ассоциация «Выпускники и друзья Политехнического университета». Это не просто признак «высоких отношений» или дань ностальгии по «лучшим годам молодости», а часть проекта по мобилизации ресурсов для вхождения университета в мировую образовательную элиту. Интеграция специалистов, аккумулировавших лучшие достижения политехнической школы, занимающих командные посты в науке и экономике разных стран, — один из таких ресурсов.

Эффективная практика

В самом деле, наши выпускники успешно работают во всех регионах России, руководят крупнейшими предприятиями и организациями: «Силловые машины», «Атомпроект», «Аэрокосмическое оборудование», Ижорский трубный завод, «Звезда»... Генеральный директор лучшей восточноевропейской авиакомпании «Аэрофлот» Виталий Савельев — тоже наш, с механико-машиностроительного факультета. Всех политехников не перечислить, но с каждым из них университет на связи, причем она двусторонняя. «За всю свою постинститутскую жизнь мне никогда не было стыдно ответить на вопрос: “Что вы оканчивали?”», — записал в Книге почетных гостей СПбПУ Александр Лапшин, первый заместитель генерального директора корпорации «Росатом».

Осенью 2016 года центр по работе с выпускниками инициировал новый образовательный проект: «Знания от первого лица». Лекторами выступают выдающиеся политехники, слушатели — студенты, аспиранты и сотрудники. Лекции расписаны на полгода вперед. Мест в аудитории, как правило, не хватает.

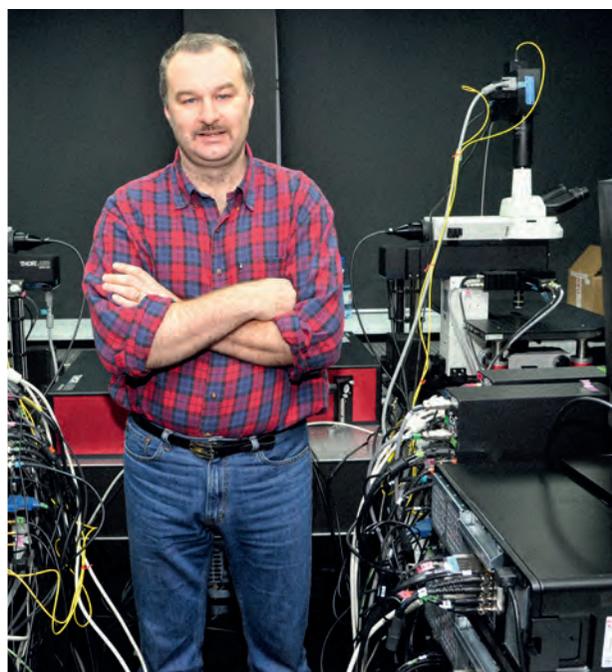

Ректор Андрей Рудской (второй справа) открывает университетский центр RASA.

Фото слева направо:
105-летие со дня основания первого объединения выпускников.
Стажер Политеха Нильс Книге (Германия) опробовал сделанный студентами болид.

Илья Безпрозванный возглавил новую лабораторию.

Александр Кобышев и выпускник из Мали Исса Того, который защитил диссертацию в СПбПУ и ныне заведует кафедрой.

«Лёнькин кот» по науке

ПРОФЕССОР-ЭКОНОМИСТ СОЗДАЛ ФОНД ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ ЖИВОТНЫМ В ПАМЯТЬ О СЫНЕ

Елена ОЖЕГОВА. Фото: Александр Глуз, Никита Круглов, Тимур Тургунов, из семейного архива В. Э. Гордина

Сайт фонда: lyonkinkot.ru

Предполагается, что такой текст должен быть печальным и местами с надрывом, как принято писать о трагедиях. В данном случае это было бы неуместно. Одно название чего стоит — «Лёнькин кот», почти ёжкин. Какие тут слезы и печаль? Да и сам Лёня, в память о котором создан этот фонд, был «редким разгильдяем». Не мои слова. Лёниного отца — основателя фонда, человека ученого и весьма ироничного.

— Подвывая, мне, что ли, об этом рассказывать? Жизнь такая, фатум, — пожимает плечами заместитель директора Высшей школы экономики в Петербурге профессор Валерий Гордин.

Его сын летел в том самом самолете, что взорвался 31 октября 2015 года над Синаем. 28-летний Леонид Гордин возвращался домой в Питер. Он был со своей девушкой Сашей Илларионовой. Провели отпуск на теплом море. Впереди маячила свадьба, совсем скоро — 1 апреля.

— Нельзя же серьезное дело в такой день начинать, — журил отец.

— Ничего, весело начнем, зато потом все всерьез будет, — отшучивался Лёня.

Он всегда таким был — шепутным, остроумным, с легким характером. Работал в банке юристом. По папиным стопам не пошел, окончил юридический факультет.

— Быть банкиром — это не приговор, — улыбается папа. — Захотел бы, потом куда-нибудь в другое место перешел, может, и к нам. Но ему в банке нравилось.

А еще Лёня очень любил животных. Лет с двадцати жил отдельно от родителей и постоянно заводил разных приемышей.

— Нет, конечно, здорово, что сын помогал «братьям меньшим», брал на передержку бездомных, подыскивал им хозяев. Но это было как-то по-детски, он свое увлечение не институ-

Улица милосердия

ационализировал, говоря по-научному, — рассуждает Валерий Эрнстович. — Вот я и подумал...

К тому времени позади остались жуткие месяцы опознания и похорон. Гордин-старший уже был в совете фонда «Рейс 9268», объединившего родственников погибших. Но хотелось сделать что-то в память именно о Лёне. Так родилась идея организации помощи бездомным животным.

— Уверен, Лёня бы ее категорически одобрил. Он поддерживал разные мои благие порывы, даже гордился мной в такие моменты. Как друг животных он в интернете сидел, в группах помощи, сейчас много таких сообществ. Ну а мне в блогеры уже поздновато. Поэтому занялся тем, что лучше умею, — объясняет профессор.

Кто-то в такой ситуации растерялся бы. Или пошел по проторенной дорожке — открыл приют, который за неделю заполнился бы на 200 процентов. Но тут за дело взялся доктор экономических наук. Гордин собрал экспертный совет, пригласил опытных зоозащитников, спросил, чего им не хватает. Вспомнил все, что знал еще с 1990-х, когда преподавал менеджмент и маркетинг сотрудникам благотворительных организаций. Добавил достижения sharing economy (экономики общего потребления), о которой сейчас рассказывает студентам. И решил создать именно фонд, а при нем центр бесплатного проката ветеринарного оборудования, каких еще не было в России.

— Из разговоров с руководителями приютов я понял, что на корма и лечение подопечных деньги они худо-бедно находят, а как раз в инвентаре очень нуждаются, — говорит Гордин.

Пункт проката открылся на базе частной клиники «Элвет» 29 ноября 2016-го, когда в мире отмечался «Щедрый вторник» — Международный день добрых дел. Россия участвовала в нем впервые. С тех пор городские приюты могут бесплатно взять напрокат клетки, переноски, ловушки, оборудование для анестезии и реанимации.

— Пока самыми востребованными были, к нашему удивлению, не дорогие аппараты, а кошколовки — клетки, с помощью которых можно поймать бездомных, диких, не дающихся в руки животных, — рассказывает исполнительный директор фонда Ольга Карпенюк.

Она не просто грамотный управленец и пиарщик. Валерий Гордин выбрал ее в директора по совету общего знакомого, по принципу «родственной души».

— Мы в семье никогда не покупали животных, подбирали несчастных на улице, — улыбается Ольга. — Когда я первый раз

Лёня и Саша познакомились за восемь месяцев до авиакатастрофы. Юрмала, июль 2015 г.

Фото слева направо:

Лёне 5 лет.

В первом классе.

Первый полет на самолете. Пилоты сами пригласили Лёню в свою кабину и сфотографировали на память. На Дворцовой площади.

встретилась с Валерием Эрнстовичем и услышала от него про фонд, была так растрогана, что сразу согласилась с ним работать.

Действует пункт проката в очень правильном месте — клиникой «Элвет» руководит Айболит всех эрмитажных котов Анна Кондратьева.

— Она как эксперт поддержала идею с прокатом, — рассказывает Ольга. — Мы выдаем оборудование только зарегистрированным приютам. Заключаем с ними официальный договор. Прописаны даже санкции за нарушение сроков аренды. Но делаем это не для зарабатывания денег, а чтобы прокат не стал постоянным пользованием. Если честно, приюты пока к нам больше присматриваются. Их владельцы оказались как будто не готовы к тому, что им дадут что-то бесплатно.

Академический статус руководителя фонда не предполагает умильной возни с пушистыми подопечными. Если уж заниматься благотворительностью, то системно и результативно.

— По западной модели фонды сами не делают что-то конкретное, они привлекают внимание к проблеме, подтягивают нужных людей, деньги и распределяют их среди тех, кто ее решает, — поясняет Гордин. — Сам я кошек не кормлю и в пункте проката не сижу — общаюсь с вице-губернаторами, с членами попечительского совета.

В совет входят два доктора наук, главный ветеринар города, депутат ЗакСа, член Общественного совета при Правительстве Петербурга по вопросам отношения к домашним животным (есть и такой!) актриса Анастасия Мельникова. Чтобы эти люди осенили фонд своим именем, морально поддержали, надо было встречаться с ними, привлекать в союзники. Гордин понимал, насколько важна властная и общественная поддержка его начинания, и времени на встречи не жалел.

По науке и название фонда выбиралось.

— Неужели фундаментальное «Памяти...», «Имени...» звучало бы лучше? — удивляется инициатор. — Начнем с того, что

Улица милосердия

Лёня был веселым. И пафосное название ему бы точно не понравилось. К тому же я советовался с маркетологами. Они сразу одобрили наш вариант, потому что он запоминается влет.

Кроме маркетологов, Валерий Гордин консультировался с психологами и социологами. Те сказали: «Идите к детям и объясняйте, что бездомные животные — это плохо. Дети станут вашими агентами влияния и будут убеждать родителей брать зверушек из приютов».

Развивая эту мысль, создатели фонда «Лёнькин кот» организовали передвижную выставку с милыми картинками про животных. Экспозиция будет кочевать по школам. А вместе с ней к детям придут преподаватели Академии художеств и научат школяров рисовать зверей.

— А если бы Лёня в детстве уговаривал вас завести кого-нибудь? Разрешили бы? — интересуюсь у Гордина.

— Сын жил со мной с 14 до 20 лет, до этого был у мамы. И никого у меня не просил.

— Но если бы попросил?

— Наверное, за что-то очень хорошее разрешил бы. Например, за порядок в комнате, — на ходу придумывает вариант строгий папа.

В раннем детстве, пока Лёня жил с мамой, у него была собака. Обычная такса, отношения с которой складывались не просто. С ней, скорее, приходилось воевать, она чувствовала себя хозяйкой в доме. Но стоило ему отделиться от родителей, как развернулся с зооспасением.

— У Лёни был любимый кот Кыся, прежними хозяевами выкинутый из окна. Лёнька его подобрал, они стали закадычными друзьями. Кыся с Лёней спал, ходил за ним по пятам, как привязанный. А летом его вывезли на дачу. И Кыся потерялся. Лёня долго искал его, писал объявления. И только в октябре кот нашёлся. Радость! Я еще спросил сына: «Уверен, что твой?» «Конечно, вот пятнышко, где и должно быть».

Вскоре Лёня улетел со своей Сашей в Египет. Кот остался у Лёниной матери и совершенно отбилась от рук. Уже после того, как все случилось, мать понесла его в клинику на осмотр. И оказалось, что это не кот, а кошечка! Лёнька этой невероятной новости уже не узнал.

«Счастье, когда все дома...» — девиз фонда «Лёнькин кот». Но парень, без которого не было бы этого фонда, домой не вернется. Как и его невеста Саша Илларионова.

— Саша была светлым человеком. И Лёня — отличный, добрый парень, — говорит мама Саши Марина Илларионова. — Они очень боролись за свои отношения, вынашивали их, дорожили ими. Теперь они навсегда вместе, мы похоронили их рядом. Они никогда не расстанутся, не поссорятся. Меня

Лёне 15 лет. С папой у стадиона «Петровский» перед матчем «Зенита».

«Мы попробуем стать мостиком между котами и людьми».

Анна Кондратьева

Актив фонда «Лёнькин кот» на благотворительной акции.

Профессор Валерий Гордин всегда в гуще университетской жизни.

эта трагедия совершенно выбила из колеи. И я как за соломинку ухватилась за предложение Валерия Гордина войти в совет фонда. Согласна, что память должна быть деятельной. Это ведь память и о Саше. Она тоже переживала за Кысю. И так же, как Лёня, улетала счастливая, что он нашелся.

Когда-то Валерий Гордин и Марина Илларионова, много лет проработавшие вместе в Финэке, познакомили своих детей. И вот жизнь их снова свела в проекте «Лёнькин кот».

— Страшно далек я был от всего этого зоозащитного движения, — признается Валерий Гордин. — И если бы не те печальные события, так и остался бы зооскептиком. Я же подсмеивался над Лёней с его зверушками. С другой стороны, мы

с ним много путешествовали, за границей побывали во всех больших зоопарках. У бабушки на даче он собак подкармливал. Наверное, так и формируется человеческое отношение к животным. Воспитывать в лоб вообще нельзя. Почему мы и поехали по школам с выставками. Мы не говорим детям: «Любите животных». Мы говорим: «Нарисуйте их, а там посмотрим».

К сожалению, еще один необычный, но очень нужный проект фонда «Лёнькин кот» пришлось пока отложить. Идею подсказала вице-губернатор Петербурга Ольга Казанская, которая курировала и социальный блок в правительстве, и ветеринарию. Она обратила внимание на проблему животных, которые остаются после смерти хозяев. Многие одинокие ста-

Улица милосердия

рики заводят котиков или собачек, а потом печалются: «Куда ж они без меня?»

— Мы хотели составить списки людей, готовых взять себе питомцев после смерти их пожилых хозяев. Готовили пилотный проект в Калининском районе. А вскоре нам позвонили из администрации и сказали, что выселяют из квартиры женщину, у которой дома 60 кошек. Мы взялись их пристроить.

В промежутках между лекциями, семинарами, совещаниями профессор Гордин, проклиная свое легкомыслие, разруливал процессы расселения и лечения этой кошачьей оравы. На проект по предотвращению бездомности питомцев пожилых людей сил попросту не хватило.

— В теории я все знал про благотворительность. Действительность внесла поправки, — говорит Валерий Эрнстович. — Все-таки на животных деньги дают хуже, чем на обездоленных детей и стариков. Пока собираем средства через кнопку на нашем сайте. Еще оформляем бумаги для регистрации фонда на краудфандинговой платформе. Опять же по науке, современный тренд. Не могу сказать, что к нам текут бурные финансовые потоки. Пока в основном это мои деньги, но ничего страшного.

Наверное, он прав. Это жизнь так сложилась, что доктор наук теперь отменно разбирается в кошкоровках, над чем не преминул бы пошутить его сын. Фатум.

«Утренний кот». Этой фотографией Кыси очень гордилась Саша Илларионова.

Валерий Гордин убежден, что «сын категорически одобрил бы идею фонда».

Пусть мир услышит

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ КОМПАНИИ

Аркадий СОСНОВ. Фото: архив компании MED-EL

Фото на странице 37:
В музее Audioversum.

Приглашение в Audioversum

В старинном австрийском Инсбруке, у подножья Альп трудно заблудиться. Все дороги ведут к дворцу Хофбург, «Золотой крыше», Хофкирхе и прочим легендарным памятникам... Желательно при этом не миновать Audioversum — суперсовременный Музей звука. Или, если угодно, Музей слуховых приключений. Здесь в полной мере соблюдаются принципы infotainment (информация через развлечение) — интерактивность, занимательность, познавательность.

В этом убеждаешься, едва ступив на лестницу — она музыкальная, шагаешь со ступеньки на ступеньку как по нотам. И сразу попадаешь в Scream Box, комнатку, где можно покричать в свое удовольствие. На стене диаграмма, показывающая соотношение разных источников звука. Громче всех трубит слон — свыше 120 децибел. При большом желании можно достичь его уровня.

Главный зал музея демонстрирует разнообразие звуков. Характерные для Инсбрука церковный колокол, аэроплан на взлете и посадке, шуршание шин велосипеда ранжированы по силе: скажем, гром небесный — те же 120 децибел, грохот отбойного молотка — всего 90: не столько оглушительный, сколько назойливый.

А вот занятная игра, вроде прятков. Надеваешь наушники и на условной лужайке ловишь невидимых птиц. Чем ближе к цели, тем громче щебет птички в ушах. Как только «поймал» ее, о чем оповещает специальный сигнал, — начинаешь ловить следующую. Можно устраивать конкурс на лучшего охотника. Рядом другая забава: распознавание звуков, в том числе экзотических. Предлагается различить шаги идущего по снегу, шум горной речки, народный инструмент с острова Бали. В «ассортименте» также крик совы, стук вагончиков фуникулера по рельсам, движение скалки, раскатывающей тесто на доске.

Поверх барьеров

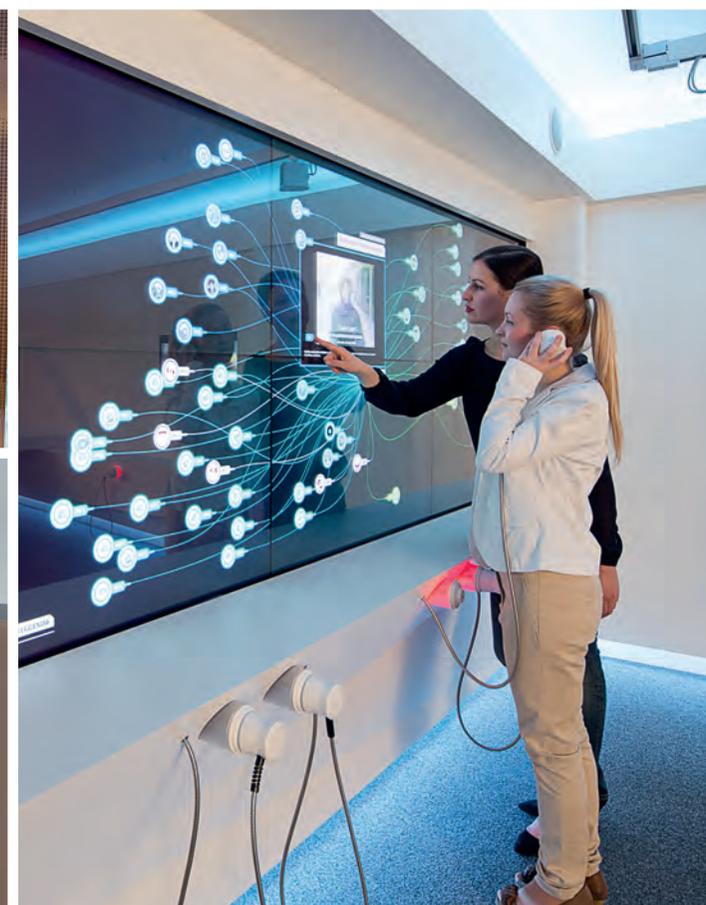
В соседнем зале посетителя ждет открытие: слышать можно разными частями тела! Для доказательства ему вставляют пробки в уши. Я прислонился лбом к стене, внимая звукам «Сентиментального вальса» Чайковского. Уперся в стену локтем — эффект тот же, но мелодия тише. (Разгадка: вибрации приходят во внутреннее ухо по костям скелета.)

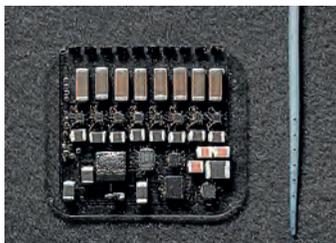
Разные способы подачи информации помогают ее закреплению. На светящемся панно представлена анатомия уха со всеми внутренними лабиринтами — стайка школьников оживленно ее обсуждает. Затем гид приглашает их к большой модели улитки уха, составленной из упругих волокон. Поочередно отгибая каждое, ребята слышат звук определенной тональности, запоминая, что у верхней, апикальной части улитки она ниже.

Еще эта модель ценна тем, что позволяет симулировать потерю слуха. Как и соседний экран, на котором мелькают кадры уличной жизни: проносятся машины по асфальту, люди идут по тротуару, общаются, смеются. И вдруг звуки становятся приглушенной и затихают совсем, как в немом кино. Поневоле ставишь себя на место человека с частичной или полной глухотой. И понимаешь, какая это беда.

В центре еще одна композиция — мозг. Причем это скан мозга реального сотрудника бременского института Фраунгофера. Подсвечены зоны активности, которые включаются, когда он слушает вариации на темы Баха, аудиозапись романа «Имя розы» Умберто Эко, шелест листьев. И вдруг представляешь, что сигнал к ним не поступает...

По-своему любопытно панно, отображающее историю акустики начиная со средних веков. Выбираешь любую дату — получаешь информацию о событии. Я наугад кликнул на 1975 год и увидел свадебную фотографию: Ингеборг и Эрвин Хохмайр из Технического университета Вены — молодые и счастливые разработчики микроэлектронных имплантов, возвращающих людям слух, — стали семейной парой.

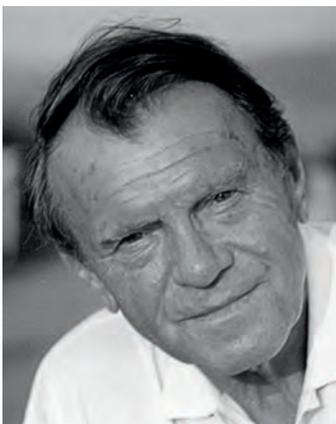

С этого нехитрого устройства все начиналось...

Свадебная фотография. 1975 г.

Профессор Курт Буриан — один из тех, кто стоял у истоков кохлеарной имплантации.

Последний раздел экспозиции называется «Мир MED-EL» (странно, если бы его не было: музей создан этой компанией). Можно рассматривать модели имплантов и речевых процессоров, включая новейшие, или воспользоваться сервисом: прикладываясь к светящемуся столу открытку — читаешь текст.

Я выбрал открытку с фотографией Ингеборг Хохмайр и узнал, что в детстве она обожала наблюдать, как гусеницы превращаются в бабочек, выращивать культуры бактерий на субстрате агара и собирать радиоприемники. В тринадцать лет выбрала биомедицинскую инженерию, чтобы применять высокие технологии для улучшения здоровья населения. Два года в университете занималась параллельно медициной и электротехникой, затем сконцентрировалась на последней, поскольку нашла пример для подражания в своем профессоре. Имелся в виду не Эрвин Хохмайр (он тогда был «всего лишь» ассистентом профессора и другом), а Фриц Пашке. Но вскоре, как мы уже знаем, все встало на свои места.

На выходе из этого необычного музея можно огласить свои эмоции в акустической гостевой книге. Лично я воскликнул:

«Супер!» и решил встретиться с четой Хохмайр, благо их семейная компания MED-EL расположена в Инсбруке, Ингеборг — ее президент и технический директор.

Инженерный подход

Даже если не знать Ингеборг Хохмайр лично, эта женщина достойна восхищения. Она не только родила и вырастила четверых детей, не только разработала вместе с Эрвином первый в мире микроэлектронный кохлеарный имплант, но и создала 1700 высококвалифицированных рабочих мест.

А начинали они с мужем вдвоем, потом наняли нескольких сотрудников, потом были длительные контакты с медицинской компанией из Миннесоты (США), которой они хотели доверить выпуск систем кохлеарной имплантации, пока не убедились в правоте формулы «Хороший продукт чужими руками не сделаешь». Ингеборг хватило мужества пожертвовать университетской карьерой и взвалить на себя хлопоты по коммерциализации разработок — в полном согласии с детской мечтой, «во имя улучшения качества жизни людей».

В любой истории, особенно семейной, важны подробности. Впервые Эрвин обратил внимание на симпатичную студентку Ингеборг Десойер в 1972 году на своей лекции, потом принимал у нее экзамен (она отвечала очень хорошо). Двенадцатилетняя разница в возрасте не стала препятствием для взаимного интереса. И когда в 1975 году профессор Курт Буриан из университетской клиники уха, горла, носа в Вене после международной конференции рассказал Эрвину о первых устройствах для электростимуляции слухового нерва при глухоте и поделился пожеланиями медиков на этот счет, тот сразу подумал об Ингеборг. Предложил ей вместе создать кохлеарный имплант в рамках ее магистерской диссертации. Сам он занимался полупроводниками и готов был отвлекаться от них максимум на полгода (не ведая, что «отвлечься» придется на всю оставшуюся жизнь).

Поверх барьеров

Союз инженеров-электриков и клиники оказался плодотворным, хотя физиологи и сомневались, что кохлеарный имплант поможет глухому человеку услышать речь. Сомневались, потому что знали, насколько сложно организован слух: «В улитке уха двадцать тысяч нервных окончаний, а у вас восьмиканальный приборчик». Технари и не претендовали на прорыв, им бы опробовать свой микроэлектронный имплант и посмотреть, что получится. Типично инженерный подход! Эрвин даже не присутствовал на проведенной Бурианом операции по вживлению импланта 16 декабря 1977 года, в отличие от Ингеборг, которая переживала за сохранность собранной ими конструкции из биосовместимых материалов. Посещение последующих операций стало императивом, поскольку глубина введения электрода в улитку определяла особенности персональной настройки системы, в чем тоже требовался инженерный подход.

И что же получилось? Первые пациенты с имплантами после подключения наружного процессора могли различать звуки и понимать фрагменты речи без чтения по губам — что для них было подспорьем, а для изобретателей — победой. Но главное —

опередив другие исследовательские группы, в частности Грэма Кларка из Университета Мельбурна, Ингеборг и Эрвин создали базовый имплант — стартовую площадку для бесчисленных экспериментов по изучению прохождения сигналов разной частоты и силы. Как с затаенной гордостью говорит г-жа Хохмайр, «первый экземпляр был не намного больше нынешних и предвосхитил их. Но с тех пор было проведено более ста тысяч имплантаций и мы столько всего выяснили, что нынешние работают гораздо лучше».

А Инсбруку подфартило: Эрвин Хохмайр был приглашен возглавить Институт прикладной физики в местном университете. Семья последовала за ним, и теперь их предприятие занимает уже несколько корпусов, формируя новый район города. Наукоемкий проект, начавшийся в Вене, стал драйвером развития Инсбрука, а сама столица Тироля превратилась в мировой центр кохлеарной имплантации. Эрвину в Инсбруке нравится больше, чем в Вене: можно кататься на лыжах, гулять по горным тропам, чего не скажешь об Ингеборг: Вена гораздо удобнее для ведения бизнеса (особенно после того как лет пятнадцать назад началась его диверсификация в смежных областях медицины). Наличие офиса в

Семейная компания:
современное здание,
суперсовременное производство.

Cochlear Coverage. Это значит, что вживляемый в улитку уха электрод простирается на всю ее длину, то есть на 31 миллиметр. Два других принципа, лежащих в основе технологии MED-EL: предохранение структур внутреннего уха и разные типы обработки сигнала для базовой и верхней, апикальной части улитки (как мы уже выяснили в музее, они транслируют соответственно высокие и низкие частоты).

— Для нас 31 миллиметр как число «Пи» — универсальная величина. Применяемые в США и Австралии электроды жестче и короче, — пояснил руководитель направления исследования и обработки сигналов Петер Нопп. — Имплантировать длинный и гибкий электрод существенно сложнее. Но он позволяет пациенту воспринимать всю гамму звуков, в том числе получать эстетическое наслаждение от музыки.

Умная лаборатория

Ради такой цели стоит постараться производителям и медикам. Они встречаются не только на конференциях и переговорах, но и в сакральном месте компании — лаборатории височной кости, которая считается эталоном стерильности и автоматизации. Это система чистых комнат, с перепадом давления, как положено при работе с анатомическими препаратами. Не ищите выключатели на стенах: все функции активируются через iPad. Восемь рабочих мест оснащены медицинскими цифровыми микроскопами, разбемами для подключения воды, воздуха, вакуума.

По сути, каждое — маленький хирургический театр. В ходе «репетиций» как раз и отрабатывается нетравматичное введение электрода в улитку, на всю ее длину, со всеми завитками. Электрод должен быть достаточно гибким (компания это гарантирует), а хирург-отоларинголог — весьма искусным. Скорость не нужна — лучше действовать медленно, но уверенно, чтобы не задеть нерв, не внести в заполняющую улитку эндолимфу микропузырьки воздуха.

Мастер-класс в лаборатории височной кости.

австрийской столице проблем не решает, и хотя оба они венцы, она больше мужа сучает по родному городу.

Университетский бэкграунд многое объясняет в их успехе. Вдуматься: Хохмайры сделали техническое открытие, корректирующее природу, возвращающее слух тем, кто его лишен от рождения или вследствие перенесенных недугов. Но, исправляя дефекты природы, они опираются на фундаментальное знание ее законов. Не случайно в деятельности компании такое значение придается исследованиям и инжинирингу, вплоть до апробации новых конструкций электродов на лабораторных животных. Много ли найдется предприятий, где в подразделении R&D сотрудников больше, чем на производстве? В MED-EL разработчиков больше на четверть.

Вот и эффективность связки «процессор — имплант», которая преобразует акустические сигналы внешнего мира в электрические и доводит их до участков мозга, ведающих извлечением звука, выражается элегантно формулой из трех С — Complete

В R&D-департаменте над темой электродов работают около двадцати человек. Как рассказал руководитель этого направления Клод Жолли, сейчас компания выпускает три вида стандартных электродов, 80 процентов из них длиной 31 миллиметр. Предполагается довести их число до десяти, а затем перейти на «индивидуальное обслуживание», определяя с помощью МРТ конфигурацию улитки каждого потенциального пациента.

Поверх барьеров

По всем канонам «телеуправляемой хирургии», данные компьютерной томографии, которые стажер наблюдает воочию, дублируются на выносном экране. Картинка отображается и в 3D-мониторах для тьюторов, и на кафедре Мастера — как правило, это маститый хирург. Сотрудники компании ассистируют ему, но в обучении не участвуют.

Такое оборудование есть лишь в избранных клиниках, например профессора Скаржиньского в Варшаве, профессора Мюллера в Мюнхене или профессора Чизина в Иерусалиме. Кстати, оба они, как и другие топ-хирурги из Европы и США, проводили здесь, на предприятии, мастер-классы для специалистов разных стран.

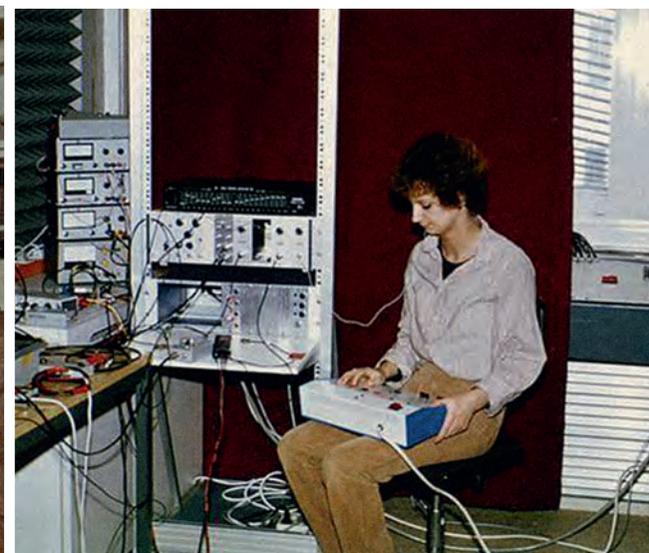
— «Умная лаборатория» — это круто. Но почему именно вам понадобились эти тренировочные апартаменты? — спросил я сотрудника компании Михаэля Пекля.

— Мы понимаем, что предоставить пациентам качественную услугу возможно лишь в том случае, если хирурги в совершенстве владеют навыками имплантации. Чем и объясняется доверие тех и других к MED-EL.

А далее Михаэль высказал тезис, который я слышал от разных сотрудников MED-EL и по разным поводам: «Преимущество семейной компании в том, что мы не котируемся на рынке акций, имеем больше свободы — развиваться, предлагать идеи, быть инновативными. Мы готовы вложить деньги в рискованный проект — их не нужно возвращать акционерам. Не хочу бросить тень на другие компании: они тоже думают о пациентах, но при этом ощущают большее финансовое давление».

С пациентом навсегда

При всем уважении к гостю из России, ни в одну из двенадцати чистых комнат, где производят импланты и речевые процессоры, меня не допустили — любовался из-за стеклянной стены. Каждого человека видно как на ладони. Впечатляет сочетание высоко-

технологичной машинной и ручной работы. Ручная, объяснили мне, применяется там, где нужна особая надежность. Я обратил внимание на женщину средних лет, которая методично одевала электроды в силиконовую оболочку. Она заметила мой взгляд, кивнула и продолжила свое рукоделие. Подумалось, что один из этих австрийских имплантов достанется ребенку где-нибудь в Сибири и всю жизнь будет ему служить. Чтобы одушевить эту связь, компания запустила интересную программу: приглашает клиента в гости и знакомит с тем самым работником, чьими руками он избавлен от глухоты. Избавителя легко определить по номеру и серии импланта.

На заре кохлеарной имплантации пациенты сами регулярно приходили в лабораторию на тестовые испытания, Ингеборг и Эрвин знали их по именам и считали членами своей команды. Пятая по счету пациентка по имени Конни оказалась особенной. Она росла в многодетной семье, ее мать, сестры и братья необратимо теряли слух. Чтобы избежать их участи, Конни списалась с про-

Первых пациентов Ингеборг и Эрвин считали членами своей команды.

Конни — пациент-первопроходец.

Через систему тренингов ежегодно проходят около двухсот стажеров из разных стран и трехсот работников из подразделений компании в Австрии и за ее пределами, рассказала руководитель службы образования и обучения Мелисса Уоллер. Кроме очных, проводятся онлайн-занятия: в 10 утра по местному времени — для азиатского региона и в 15 часов — для США и Канады.

Ингеборг Хохмайр на церемонии вручения ей международной премии Ласкера-Дебейки (аналог Нобелевской в области медико-клинических исследований). 2013 г. Еще в одной из трех номинаций этого года победил Билл Гейтс.

фессором Бурианом и на несколько лет переехала из Баварии в Вену, став постоянным участником экспериментов и неоценимым источником информации о тонкостях процесса понимания речи.

С ее стороны, отмечает Эрвин, это был смелый поступок, никто ей ничего не обещал. Кохлеарная имплантация требовала инженеров-первопроходцев, хирургов-первопроходцев, но в той же мере и пациентов-первопроходцев, чей риск был оправдан: они первыми пользовались плодами прогресса. Так, в 1979 году Конни получила небольшой нательный процессор для домашнего пользования, а 6 марта 1980 года (еще одна историческая дата!) — первый заушный процессор, благодаря которому научилась вести диалог без визуальных подсказок, изучала английский язык и ездила

в США. Этой пионерке кохлеарной имплантации принадлежит мировой рекорд — при полной глухоте она понимает речь, в том числе неразборчивую, смешанную с другими звуками, почти сорок лет!

Как видно, длительное партнерство с пациентами в традициях MED-EL. Импланты ставятся пожизненно, а процессоры обновляются, что обязывает компанию быть стабильной в долгосрочном плане, и это уже не просто инженерный, а социально ответственный подход.

— Если годовалому ребенку делают кохлеарную имплантацию, а ожидаемая продолжительность жизни составляет 90–100 лет, то на целый век наша компания становится гарантом его благополучия, он и его близкие — частью семьи MED-EL, — формулирует Ингеборг, босс компании, она же глава большой семьи (вспомним о сотнях тысячах кохлеарных имплантаций).

Реально развивая свой бизнес с 1990-х, MED-EL как раз и балансирует между стабильностью и обновлением. От первых громоздких имплантов к плоским, в титановом корпусе. От нательных процессоров к миниатюрным приборам, которые легко спрятать под прической. В перспективе, на радость пациентам, появятся полностью имплантируемые системы. Эргономичность продукции — безусловная фишка компании в XXI веке. Среди других приоритетов Хохмайры называют неизменно бережное отношение к чувствительным структурам внутри улитки: если у пациента сохраняется остаточный слух, он должен дополнять ощущения, обретенные после имплантации. И, разумеется, постоянное улучшение конструктивных элементов, к примеру разработка специального магнита в импланте, который позволяет пациенту проходить МРТ-диагностику.

Но большинство надежд и чаяний относится к речевому процессору как выносной, интеллектуальной части системы: применение направленных микрофонов, совместимость с айфоном и другими гаджетами, вплоть до электронного переводчика.

Поверх барьеров

Удивительно, что почти всю сознательную жизнь эти двое посвятили доведению до ума таких маленьких вещей, как имплант и процессор. Впрочем, для них самих совсем не удивительно.

— За сорок лет работы в сфере кохлеарной имплантации мне ни секундочки не было скучно, — признается Ингеборг.

— Занятно, что вначале я недооценивал эту работу. Мы ею до сих пор занимаемся, и столько еще идей для реализации, — вторит ей Эрвин.

Диверсификация на марше

Воплощение идей требует денег, между тем у компании нет сторонних инвесторов. Владельцев двое, и бюджет, в том числе на исследования и разработки, формируется только за счет продаж основной продукции. Ингеборг вносит в мои рассуждения веские поправки. Во-первых, прибыль они не изымают из оборота, а реинвестируют в компанию. Поэтому в прошлом году потратили на R&D 20 процентов оборота — существенно больше, чем в акционерных обществах. Во-вторых, давно сделали ставку на диверсификацию деятельности:

— Если у вас лишь один проект, пусть даже прибыльный, то ограничена свобода маневра. Мы развиваем много проектов и коопераций, и не обязательно все они будут успешными. Но некоторые «выстреливают» и дают нам возможность вести разные работы, включая поисковые. Диверсифицируя бизнес, мы полагаемся на то, что уже хорошо освоили, — электростимуляцию.

Первенцем на этом направлении стала дочерняя компания STIWELL, действующая с 1996 года. Она разрабатывает и внедряет электростимуляторы для восстановления функций организма, в частности после инсульта. (Другие области применения — ортопедия, урология, физиотерапия, спортивная медицина.) Специалисты STIWELL Петер Штеффлауэр и Томас Шик, демонстрируя компактную модификацию прибора, совмещенного с компьютером, в котором записана програм-

ма процедур, так простимулировали мои мышцы, что рука сама подняла чашку с водой и поднесла ко рту.

Если без шуток, реабилитацию важно начать с первого дня после инсульта, еще в больнице, продолжить дома и при возвращении к работе (оборудование предоставляется в аренду). И так в три стадии, за 2,5 месяца двигательные навыки у 90 процентов пациентов полностью восстанавливаются. Это не приманка из буклета, а вывод исследования, проведенного в одной из тирольских клиник под руководством профессора Леопольда Сальтуари — MED-EL без науки ни шагу. Продвижению методики способствует наличие в Австрии пунктов постинсультной реабилитации и включение этих процедур в медицинскую страховку. Клиентская база растет, пролечено уже пять тысяч пациентов в Австрии, Германии и Швейцарии, на очереди страны Скандинавии.

Другая медицинская проблема, попавшая в поле зрения MED-EL, — паралич голосовых складок. Для страдающих этим недугом затруднение дыхания, удушье или кашель при глотании становятся хроническими. Согласно статистике в немецкогово-

Реабилитация пациента после инсульта по методике компании.

Лечение в игровой форме.

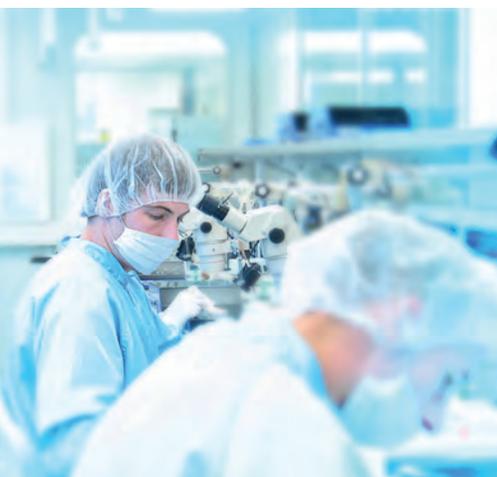
Поверх барьеров

Эрвин Хохмайр строит планы исходя из потребностей пациентов.

рящих странах ежегодно выявляется тысяча пациентов с двусторонним повреждением голосовых складок — вследствие травмы, вирусной инфекции и т. д. Специалист R&D-департамента Штефан Кабас очень натурально и не без сострадания изобразил, как они дышат.

Чтобы выявить серьезность этой патологии и социальную значимость борьбы с ней, компания на условиях анонимности опросила десятки пациентов. В их монологах сквозит отчаяние. Для лечения таких людей были разработаны оригинальные имплантируемые стимуляторы, первыми носителями которых стали девять пациентов в трех клиниках. Контроль их состояния показывает, что новая медицинская технология безопасна, облегчает процессы дыхания, речи и глотания. Ей посвящена статья в авторитетном американском журнале *The Laryngoscope*. Сейчас тематикой голосовых складок занимаются сорок сотрудников департамента R&D. Это еще не бизнес-ячейка, как STIWELL, а группа, которая планомерно проводит исследования, изучает рынки. В текущем году предполагается имплантировать пятьдесят пациентов в восьми клиниках.

Урок этой истории состоит в том, что новую технологию взяли на вооружение клиники, которые доверяют MED-EL. Кабас привел мнение профессора одной из них: поскольку у вас частная, более того, семейная компания, она не гонится за прибылью и старается всесторонне изучить проблему, прежде чем ее решать. Не правда ли, знакомый мотив?

Создавать творческие коллаборации Ингеборг помогает склонность к исследованиям и принадлежность к научному сообществу — ее ценят и знают далеко за пределами компании. Географически наглядное свидетельство тому — совместный проект с университетами Манхэттена (США), Маастрихта (Голландия) и Томска (Россия) по изучению нарушений вестибулярного аппарата.

Ей самой связи с профессионалами тем более в помощь. Диверсификация не вольница. При фундаментальном подходе к выстраиванию бизнеса ошибки на старте возможны, но должны вовремя исправляться, а не усугубляться.

Специалист компании Манфред Пибер (одним из его проектов стал серийный запуск продвинутого импланта Concerto, используемого в Санкт-Петербургском НИИ ЛОР) считает ее идеальным интегратором разных мнений. Так, семь раз отмерив, она приняла ряд нестандартных решений, на которые не отважились в других компаниях. Например, размещать речевые процессоры непосредственно над имплантом, а не над ухом.

Секрет фирмы

Каково это: работать в семейной компании, если не носишь фамилию Хохмайр? Тот же Пибер признался, что чувствует себя вполне защищенным, поскольку босс не заиклен на краткосрочном финансовом успехе и больше заботится о сотрудниках, чем в публичной компании, где менеджеры испытывают давление акционеров, которое распространяется и на персонал.

Поверх барьеров

Действительно, Ингеборг удалось создать в MED-EL семейную атмосферу доброжелательности. Причина это или следствие, но в штате компании трудятся около двадцати семейных пар — естественно, в разных подразделениях, чтобы на службе не возникло отношений начальник — подчиненный. Им тут комфортно, и обстановка, и рабочий график к тому располагают: четыре дня по 8,5 часа и 4,5 часа в пятницу, то есть суммарно 38,5 часа и практически 2,5 выходных в неделю.

Одна из таких пар уже знакомые нам — Клод Жолли и Мелисса Уоллер. Он в компании около двадцати лет, до этого занимался исследованиями кохлеарных электродов в Университете штата Вашингтон (США). Она работала в одном из американских госпиталей аудиологом, в компании отвечает за программы по обучению клиентов, партнеров и сотрудников. Клод — француз, Мелисса — американка. Но пересечения все-таки есть: он разрабатывает те электроды, о которых она рассказывает стажерам. В свою очередь она доводит до него информацию о потребностях клиентов. Уверяют, что дома им не скучно, именно потому что в свободное время есть что обсудить.

Примерно так же и Эрвин отреагировал на мое предположение о том, что их с Ингеборг постоянная вовлеченность в дела компании способна нарушить спокойствие частной жизни.

— Напротив, это облегчает нашу семейную жизнь. Есть много вещей, которыми мы оба интересуемся, и целей, к достижению которых мы стремимся. Если что-то не успеваем обсудить на работе, естественно, обсуждаем дома. Думаю, это идеальная конфигурация, и нам очень повезло встретиться друг друга в университете, потому что в одиночку мы не добились бы того, чего добились вместе, — сказал и с улыбкой добавил: — Мы счастливы, про нас кино можно снимать.

Для полноты картины заметим, что их младшая дочь Жанин готовит магистерскую диссертацию по физике и, кажется, не прочь пойти по стопам матери. Но для Ингеборг же понятие се-

мы расширительное! Это те, кто возвращает людям слух и навыки коммуникации: ученые, менеджеры, клиницисты, хирурги, аудиологи, — причем все в одной лодке, сплоченные общей миссией. Ей обидно, что при наличии эффективной технологии, созданной еще в конце прошлого века, лишь каждый пятый ребенок с врожденной глухотой получает кохлеарный имплант. Ведь отсрочка операции становится фатальной по мере утраты пластичности слуховых путей, и эти люди рискуют остаться в мире безмолвия, где не услышишь голос друга, шелест листьев, вариации на темы Баха...

В чем видит человек итог своей многолетней деятельности во главе компании? Что считает ключевым условием успеха для менеджера наукоемкой компании? У Ингеборг Хохмайр ответ один: создание (нет, не импланта!) команды.

— Вы должны понимать, как действовать в ответ на запрос профессионалов и пользователей — в данном случае хирургов и пациентов. Но, чтобы успешно действовать, надо собрать и мотивировать команду. Только с правильными людьми вы добьетесь нужного результата.

Ингеборг Хохмайр и Алексей Ильченко.

«У нас есть команда во главе с вице-президентом компании Алексеем Ильченко, выходцем из Санкт-Петербурга, который хорошо знает Россию и строит мост доверия между нашими странами. Кстати, его супруга Елена тоже работает в компании.»

При встречах с российскими специалистами всегда чувствую их реальную мотивацию помогать своим пациентам, особенно маленьким детям. И мы рады участвовать в этих программах, будь то взаимодействие в медицинской науке, сотрудничество в сети Hearing (www.hearing.com) или помощь родительскому объединению “Я слышу мир!”. Мы не только предоставляем продукт, но и хотим отсюда, из Австрии, добиваться улучшения жизни наших пациентов по всему миру.»

Ингеборг ХОХМАЙР

В ритме вальса и сальсы

С автомобилями на «ты».

В 1997 году Дмитрий УВАРОВ стал первым в Санкт-Петербурге пациентом, которому вернули слух с помощью кохлеарной имплантации. Четыре года абсолютной глухоты, потом двадцать лет с имплантом от компании MED-EL — Дмитрию есть о чем рассказать. И рассказ этот не благостный, но оптимистичный, потому что человек он очень позитивный. Итак, по порядку.

В пятнадцать лет Дима полностью потерял слух, что для подростка было сильнейшим потрясением. Перестал общаться с друзьями — не терпел проявлений жалости, перевелся в специальную школу для глухих, но язык жестов принципиально не учил, надеялся, что рано или поздно слух вернется. Получив аттестат о среднем образовании, осознал, что, даже если поступит в вуз, окончить его не сможет. Выучился на автослесаря, сдал на повышенный разряд. В один поистине прекрасный день был приглашен в Санкт-Петербургский НИИ ЛОР. Кандидатов на первую имплантацию подбирали почти как для первого полета в космос: тщательно обследовали, объясняли суть операции и возможные риски. Когда выбор пал на Дмитрия, он не колебался ни минуты.

— Примерно через месяц после операции сразу после подключения к системе я вновь услышал звуки, — рассказывает пионер-пациент. — Причем у меня был простейший процессор, с одной-единственной программой. Он до сих пор дома лежит и, что самое удивительное, — работает. Храню и коробочку на четыре батарейки — носил ее на поясе. Быстро сообразил, что выгоднее покупать аккумуляторы и подзаряжать их... Настройку процессора вели институтские специалисты. Их голоса и

цифры я начал различать раньше, чем речь родителей и сестры. Постепенно сила звука возрастала, но он был неотчетливым. Ощущения — как при печати фотографий с негатива: появляется изображение, но картинка размыта. Старался не форсировать события, организм и механизм должны притереться друг к другу. И знаете, что помогло? Бережливость к старым вещам — сохранил набор аудиокассет с любимой музыкой. Заново прослушивал их, улавливал ритм, узнавал инструменты и уже через мелодию воспринимал слова. Медики не ожидали, что адаптация к системе пройдет так быстро. А у меня начался личностный рост, прежде всего в профессиональной сфере. Я же автослесарь и благодаря импланту смог по «голосу» мотора проводить первичную диагностику и ремонт.

Сравнение с фотопроцессом не случайно. Дмитрий поступил на заочное отделение Института киноинженеров, где у него прорезался интерес к фотографии. Но с четвертого курса перевелся в Северо-Западный заочный политехнический институт, на «родное» направление: автомобили и автомобильное хозяйство. Все эти годы совмещал учебу с работой — был экспертом на станции техосмотра и даже водителем маршрутного такси. Впоследствии уже в качестве дипломированного специалиста в течение пяти лет преподавал на кафедре организации перевозок и безопасности дорожного движения Горного института. По истечении срока контракта вернулся на практическую стезю — в автобусный парк. Нормальная профессиональная мобильность.

Главное, что никаких проблем со слухом (при двусторонней потере слуха!) не испытывал — ни в преподавательской деятельности, ни контролируя состояние автомобилей. И никто из

Дмитрий — преподаватель Горного института.

Поверх барьеров

окружающих (самые близкие не в счет) не догадывался о речевом процессоре, скрытом его шевелюрой. Поэтому он и к била-теральной имплантации не стремится. Маленький секрет, кото-рым поделился Дмитрий: поскольку имплант у него над левым ухом, вблизи от правого есть зоны «неуверенного приема», так что в любой ситуации он подсознательно занимает оптимально удобное положение.

Уверенности Дмитрию добавил беспроводной процессор, который компания подарила своему первому питерскому па-циенту в 2007 году. Эта инновация от MED-EL позволила ему осуществить давнишнюю мечту о занятиях танцами: обожа-ет и европейские, и латиноамериканские. В танцевальной сту-дии познакомился со своей нынешней женой. Сейчас эта пара не танцует по уважительной причине — полтора года их доче-ри. Зато глава семьи посещает платные курсы повышения ква-лификации по основной специальности, потому что убежден: нельзя останавливаться в развитии.

— Всю свою сознательную рабочую жизнь я плачу нало-ги как обычный человек, хотя по закону, будучи инвалидом 3-й группы, от них освобожден. Но не считаю себя ущербным и обиженным судьбой — проблемы есть у каждого, со своими справляюсь, — говорит он с подкупающим чувством достоин-ства и самоуважения.

В прошлом году Уваров получил новый процессор мар-ки MED-EL в порядке плановой бесплатной замены по линии Фонда обязательного медицинского страхования. Как про-двинутый пользователь особенно оценил пульт управления. Возможность переключения программ, настройки громко-сти позволяет избежать какофонии, вызывающей головную боль, найти баланс в акустической среде. Обостренный слух для него рабочий инструмент: система торможения автобусов пневматическая, и важно определить источник «неправильно-го» звука.

Танцевальный open air на Стрелке Васильевского острова.

Речевые процессоры Дмитрия Уварова: прогресс налицо.

COMBI 40 — с 1997 года.

Только вот жизнь полна сюрпризов: ночевал у друзей, пе-ред сном, как водится, снял и спрятал процессор, но его нашла и пожевала собака. В результате блок аккумулятора и антенна на выброс, корпус всмятку... Хорошо, что Дмитрий не выбра-сывает старых вещей — пользуется пока привычным процессо-ром предыдущего поколения и оптимизма не теряет. Готовится к открытию летнего танцевального сезона.

— В танце не наступали партнершам на ноги, не сбивались с ритма?

— Не припомню, — улыбается Уваров. — Самое сложное из всего, что я пробовал, — аргентинское танго, двенадцать тактов; второй по сложности музыкальный стиль — сальса, внезапный всплеск в середине композиции. Но, если поймать первый такт и включить внутренний метроном, не собьешь-ся. А в вальсе тем более: раз-два-три, раз-два-три — с начала и до конца.

ТЕМРО+ — с 2007 года.

OPUS 2 — с 2016 года.

Волшебная симфония

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПО СЛУХУ ПРОШЕЛ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ «РУССКОГО МЕЦЕНАТА». САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СЕНТЯБРЬ 2016 г.

Фото: Мария Истомина

